

Иосиф Гольман

Не стреляйте в рекламист

Иосиф Гольман

Не стреляйте в рекламиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121071

Иосиф Гольман. Не стреляйте в рекламиста: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2003
ISBN 5-17-019051-4, 5-9578-0275-1

Аннотация

Когда семье грозит опасность, даже дилетант может совершить невозможное. Простой бухгалтер рекламного агентства, защищая жену и детей, расправляется с напавшими на них бандитами, но сам попадает в тюрьму. Спасти его может только чудо. И оно происходит – друг обвиняемого, гений рекламы, специалист по масс-медиа технологиям, – организует кампанию в его защиту и выходит на след заказчика преступления...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	17
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	32
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	53
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Иосиф Гольман

Не стреляйте в рекламиста

Настоящим автор официально заявляет, что все изложенное в этой книге есть плод разнузданной писательской фантазии и не имеет ничего общего с реальной действительностью.

Абсолютно все персонажи, деяния и факты беззастенчиво выдуманы, взяты с потолка, высосаны из пальца.

А если какой-нибудь впечатлительный читатель усмотрит в описываемых событиях реальную подоплеку или, не дай Бог, реальных прототипов – то автор за это ответственности не несет.

Глава 1

Александр Петрович Орлов, бухгалтер

Моему «Панасонику» пять лет, но показывает он еще неплохо. На экране гангстеры вовсю палили друг в друга изо всех видов оружия.

Валентина, как человек ответственный, делала в своей комнате уроки. Правда, помогал ей в этом магнитофон, включенный на полную катушку. Даже отсюда было слышно, как Ю. Шевчук с чувством выдавал свой старинный хит про осень. А вот Валек пытался любыми средствами зацепиться за боевик и остаться в нашей комнате.

Впрочем, здесь ему не светило. Лена уже почти отложила свое вязанье, и Валек тщательно взвешивал шансы: и по заду получить неохота, и понять, кто кого одолел в телевойнушке, тоже очень желательно.

Ну а я, Александр Петрович Орлов, уютно пристроил свое, прямо скажем, немаленькое тело в старое продавленное кресло. За двадцать лет службы оно стало в точности соответствовать моим формам. Мои женщины давно порывались его выкинуть, но каждый раз я грудью вставал на защиту ветерана. Лишь в нем я чувствовал себя так, как когда-то в далеком детстве: спокойно и защищенно.

Короче, ситуация полностью отвечала избитому, но абсолютно точному определению: простое человеческое счастье. Жаль, что мы понимаем это, лишь когда оно позади...

* * *

Потому что через минуту в дверь постучали.

Само по себе это было неудивительно. Мы достаточно гостеприимные люди, а мой бизнес (я работаю бухгалтером в небольшом рекламном агентстве) не приносит тех дивидендов, при которых начинают летать пули. Поэтому никаких новомодных телекамер наружного наблюдения и прочей детективщины мы не имели.

Я, кстати, даже и не шевельнулся, чтобы открыть дверь. Во-первых, при росте 164 смэ и весе 96 кгэшний раз шевелиться нежелательно.

Во-вторых, зря, что ли, я рожал двоих детей? Девочка тринадцати лет и семилетний мальчик вполне могут открыть дверь самостоятельно. Тем более что девять из десяти – это пришли их товарищи.

И наконец, в-третьих, я был занят: шилом проделывал в брючном ремне очередную дырочку. Это занятие раздражало меня по определению. В сорок пять лет неприятно наблюдать в зеркале отражение, которое подошло бы кому угодно, но только не твоему, по-прежнему молодому, внутреннему «я». К тому же шило было слишком большим и длинным для такой работы, но почему-то с тонкой, очень неудобной деревянной ручкой. Короче, пусть бегут к двери молодые и стройные.

Дети тоже не поторопились: Ленке пришлось еще раз оторваться от вязания и сделать угрожающее лицо. Валек притворился испуганным и пошел-таки встречать гостей.

Но, Бог мой, кто к нам пришел...

* * *

Услышав вскрик Валька, я пружиной вскочил с кресла, влетел в коридор и увидел... Гнуснейшие глаза – вот что я увидел в первый момент. Они принадлежали долговязому мужчине неопределенного возраста, державшему полуоглушенного Валька за лицо и шею. Глаза

не были злыми или страшными. Они просто были безразличными, и жизнь моего сына в понимании этого скота не стоила ни копейки. Хотя сравнивать таких со скотом – здорово обижать последних.

Но тогда такие гуманистические соображения не пришли мне в голову. Мне просто стало страшно. Страшно так, как никогда до этого и, надеюсь, после этого тоже. У меня все внутри обмякло. Я ведь бухгалтер, а не Рэмбо.

Кроме того, второй из троих вошедших направил мне в лицо маленький пистолет. Несмотря на скромные размеры, ствол имел явно не игрушечный вид. И, судя по сноровке, его хозяин умел им пользоваться. Странное дело, но человек, державший меня под прицелом, из всех пришедших был мне ближе и чуть ли не роднее. Он ведь целил в меня, а не душил моего семилетнего сына.

К нему я и обратился:

– Ребята, берите что хотите, только не надо глупостей.

В квартиру, аккуратно затворив за собой дверь, вошел четвертый, обычного, совершенно не бандитского вида. Встретишь на улице – примешь за интеллигента. Командир.

– Я простой бухгалтер, – говорю ему. – Из маленькой фирмы. У нас мало что есть, но отдам все. Только отпустите сына.

Второй, с пистолетом, схватил вылезшую на шум из детской комнаты Валушку. Однако ствол по-прежнему смотрел на меня. Профессионал, эти его мать.

Из нашей комнаты послышался слабый шум. Ленке даже крикнуть не дали. Да и дали бы, что бы изменилось? Приедет милиция минут через сорок. Нет, теперь все зависит от меня. Держись, Сашка!

– Ребята, скажите, что нужно, все сделаем, – взмолился я.

– Ты, бухгалтер, соображаешь, – похвалил меня старший. – Отдай портфель или что там у тебя, и мы уходим.

– Какой портфель? – лихорадочно соображал я. Отдам что угодно, лишь бы кончился этот кошмар! – Скажите, какой портфель?

– О-о-о, – поскуучнел старший. – А я-то поверил, что у нас все будет по-хорошему. Слушай, сука, сначала мы трахнем твою супругу, потом свернем головы детям. Живо документы на стол! И не вздумай вилять!

У меня ноги и так были ватными, а теперь совсем перестали слушаться. Больше всего мне хотелось расплакаться. Нет, больше всего мне хотелось проснуться в своем кресле и в ярости выключить телевизор с их вонючим боевиком, от которого снятся такие сны.

А что еще прикажете делать? Орлом наброситься на врагов, посмеявших покуситься на самое сокровенное? После этого мне жить две секунды. А моей семье – лишь не намного больше: вряд ли они захотят оставлять свидетелей обвинения.

– Послушайте, ребята! Спокойно объясните, какой портфель вам нужен! Если это возможно, все сделаю, чтоб он был у вас.

Я пытался перевести разговор в более безопасное русло. Воевать было бесполезно. Кроме шила, которое я, расцарапав ногу, машинально сунул в карман, у меня ничего не было. Секретами единоборств я тоже не владел. Да и не помогли бы они. Это же не кино. В лицо мне смотрели уже два ствола, причем второй был здоровенным «наганом». Старший у них – консерватор и пользовался револьвером. Но от этого мне не легче.

Надо постараться сбить накал, пусть завяжется разговор. У меня появилось подозрение, что меня просто с кем-то перепутали. Наконец голова заработала четче. Парализующий страх рассеивался. Я обязан спасти детей и Ленку. Любой ценой. Их старший, по-видимому, тоже успокаивался.

– Не знаешь, говоришь, какой портфель? – улыбнулся он. Я тоже улыбнулся в ответ.

И тут родные стены дернулись, а я оказался на полу. Разбитая губа саднила. Сзади вскрикнула Лена, ей зажали рот. Мне вежливо помогли подняться.

– Удалось вспомнить? – участливо осведомился старший. Его умные глаза внимательно изучали состояние моего духа. – Федор, займись пока его супругой.

Третий, «быковатого» вида бандит, молча и равнодушно потащил Ленку в маленькую комнату. Она бросила на меня взгляд, и этот взгляд я запомню навсегда. Она говорила, чтобы я держался, что она все перенесет и чтобы я берег себя. Она еще не понимала, что нас всех убьют в любом случае.

– Подумай, бухгалтер, хорошо, – без злости посоветовал старший. – Чем быстрее надумаешь, тем меньше ей достанется. Да и до детей очередь не дойдет. Ну зачем тебе приключения, толстяк? Ты же не Рэмбо.

Он, похоже, и мысли читает. Хорошо, сволочь. Твоя взяла. Я испуган. Я очень испуган. До того испуган, что мне совсем не сложно притвориться тряпкой. Я и трупом готов притвориться или даже стать им, лишь бы отпустили детей и жену. Я почти заплакал:

– Зачем вы так? Я сделаю, что скажете. Я вспомню, если что забыл.

Я всхлипнул и вытер кровь с губы и носа. Расклад ясен, и он отвратителен. Меня перепутали. Если бы речь шла обо мне, то есть о нашей с Ефимом фирме, я бы выдал все (уж прости меня, Ефим!). Но их не интересуют наши маленькие секреты. Их интересуют большие секреты, которых я просто не знаю. И в этом весь ужас. Я не смогу выдать секрет, которого не знаю.

В коридоре мы были втроем. Страшный, напугавший меня вначале, увел детей в большую комнату и закрыл ее. Один бандит был в маленькой, с Леной, и звуки, доносившиеся оттуда, разрывали мне сердце. Напротив меня стоял профессионал, ловко управлявшийся с пистолетом, и добрый старший. Он снова участливо улыбался. Сейчас ударит.

Но он не ударил. А мягко напомнил:

– Вспомни, где портфель. А может – дискета. Или лазерный диск. Тебе виднее. Меня интересует не носитель, а содержимое. Поверь мне, толстяк: тебе действительно лучше все вспомнить...

И я «вспомнил».

– Если отдам, какие гарантии, что мы останемся живы?

– Мое слово, – улыбнулся старший. И посмотрел на меня безо всякого зла. Он и в самом деле не питал ко мне ничего. Просто у него такая работа.

– Остановите его! – Я показал на дверь комнаты.

– Нет, – мягко, даже сожалея, заметил старший. – Еще не время. И вы его теряете.

– Хорошо, – в отчаянии сказал я. – Вы меня пощадите, но те не пощадят. Зайдемте, я покажу. – Я показал рукой на пустую закрытую комнату. – Помогите мне, пожалуйста, и я отдам портфель. Он в секретере.

– Это другой разговор, – сказал старший. Профессионал двинулся было с ним, но старший его остановил.

Мы зашли в комнату. Я впереди, он – сзади. Он сделал это не думая, совершенно естественно. Ведь меня он не боялся вовсе. Чего бояться сломленного толстяка бухгалтера?

И он был по-своему прав.

Мы зашли в комнату, а я очень слабо представлял, что буду делать дальше. Я думаю, что и трижды упомянутый Рэмбо ничего бы не сделал, имея нацеленный в спину револьвер. Но тонкая стенка не глушила происходящего в соседней комнате. А еще в пяти метрах, под прицелом страшного, были Валеk и Валентина.

В секретере должен лежать мой старый портфель. Когда-то он был кожаным и модным и я гордился его приобретением. Теперь – валялся там под кипой бумаг. Очень жалко выкидывать вещи, которые тебе нелегко достались. Проще заложить в дальний угол.

Я подошел к секретеру и показал на исцарапанную Вальком дверцу:

– Там.

– Открывай, – усмехнулся старший. Он совсем не боялся меня. Просто его так учили.

Я еще раз всхлипнул, утер левой рукой вновь выступившую кровь и вытер ее о брюки, а правой открыл секретер. Ручка и край портфеля выглядывали из-под бумаг.

Тишину в комнате прервал громкий голос Шевчука. Это кассета перемоталась и пошла по второму кругу. Старший вздрогнул, потом нахмурился, потом засмеялся и шагнул вперед. Теперь я стоял у него за спиной.

– Все, толстяк, будешь жить, – пообещал он. Сказанное было неправдой, но ни его, ни меня это уже не волновало. Он совсем перестал принимать меня во внимание. Я был жалким раздавленным червяком, чью жену насилуют в соседней комнате. Вот это было правдой.

Но правдой было и шило, которое я изо всех сил воткнул ему в левый бок. И это было совсем нетрудно. Потому что я – левша. И у меня с детства сильные пальцы. А что касается моральных мук, то я не испытал ничего на них похожего. Я боялся только одного: попасть в ребро. Тогда бы я его не убил.

Я ударил его раз, выдернул шило и ударил еще и еще. Револьвер выпал из его руки, рот открылся. Длинное шило заходило в тело целиком, до рукоятки. Крови не было. Он смотрел на меня и шевелил губами, ничего не выговаривая. А я бил его шилом, короткими резкими ударами, так, как будто всю жизнь этим занимался.

Он запрокинул голову вверх, и я ударил его в горло.

Вот теперь кровь пошла.

Я отскочил, с ужасом подумав, что все это как будто уже происходило со мной. Во всяком случае, я все делал уверенно. И, честное слово, абсолютно спокойно.

Мне надо было убить гада, и, похоже, я его убил. Он медленно завалился на ковер, револьвер глухо стукнулся об пол. Я вздрогнул, но родной рев лидера «ДДТ» заглушил этот звук.

Я подобрал револьвер. Очень тяжелый, с длинным дулом. Музейный, что ли? И я не знаю, как из него стрелять. Самовзвод или не самовзвод? Где предохранитель?

Я взял револьвер за дуло и приоткрыл дверь. И крикнул: «Зайди!» Добрый милый Шевчук теперь пел про белую реку. Хороший сборник, потому бандит в коридоре не узнал голос. Хотя, скорее, они просто не ожидали от меня такой прыти. А я ожидал ее двадцать минут назад? Господи, какие сволочи! Вас надо убивать по десять раз каждого!

Он вошел, подставив мне свой правый висок. Рукоятка вошла именно туда, куда я за две секунды до этого представлял. Она дошла до виска и с хрустом вошла внутрь. Довольно глубоко.

Вот здесь было грязно. Я не смог взяться за грязную рукоятку и бросил револьвер на диван, потому что мне надо было подхватить тело. Потом только сообразил, что и то, и другое сделал осознанно: звук падения трупa или оружия мог бы донестись до соседней комнаты. А что я опустил на пол труп, я не сомневался. Не сомневался, и все.

Потом взял в правую руку маленький пистолет убитого. С ним я обращаться умел, уже был опыт. А в левую, рабочую, взял здоровую скалку. Ее использовали мои дети, прикатывая склеенные листы для своих поделок.

Дверь в нашу комнату, где сейчас их держали, была по-прежнему закрыта, и там на всю громкость работал телевизор. Я очень надеялся, что без приказа страшный ничего с ними не сделает. А приказа быть не могло, иначе бы им нечем было на меня давить. Я очень на это надеялся.

И поэтому сначала пошел в маленькую комнату. К жене.

Я не буду описывать, что там увидел. Когда бандит обернулся, он обнаружил в моей правой руке пистолет. И теперь смотрел только на срез ствола. Поэтому скалка оказалась для него полной неожиданностью.

Я не говорил Ленке, чтобы она держалась, или еще какую-нибудь дребедень. У меня настоящая жена, и через пятнадцать без малого лет после свадьбы мы довольны нашим выбором. Она надежна во всем. Поэтому я дал ей скалку и попросил, чтобы гад не оказался у меня в тылу. Она кивнула. Теперь я не боялся врага сзади.

В нашей комнате были страшный с Валюшкой и Вальком. Я стоял перед закрытой дверью, не решаясь войти. У меня в руке была «беретта» 22-го калибра. Оружие, кстати, я сразу узнал. Во время турпоездки в Израиль стрелял из точно такого же в тире нашего отеля. У пистолетика почти нет отдачи, а пули похожи на наши, от мелкашки. Я тогда стрелял из пистолета первый раз в жизни, но вторую серию положил так, что инструктор осклабился (улыбкой это не назовешь, у него через всю щеку тёк шрам) и сказал, что если будут проблемы с террористами, то меня вызовут. На самом деле ничего удивительного: я очень хороший бухгалтер. Мне объясни, как и что надо делать, и я делаю все точно и аккуратно.

Я помолился всем богам и ногой распахнул дверь. Предварительно поднял пистолет на уровень глаз, держа его двумя руками – я совсем не хотел рисковать.

На открываемую дверь бандит среагировал очень спокойно, только голову повернул. Валюшка сидела в метре от него со связанными руками и заклеенным скотчем ртом. Я невольно поморщился: больно будет отрывать. Валек был в моем кресле в том же положении. Личико бледное и напуганное.

Страшный же сидел между ними на диване, без оружия, по крайней мере сверху, и смотрел футбол. От него до детей было по метру, если не больше.

Страшный совершенно не испугался. Ну не боялись они бухгалтера, и все тут! Он, даже увидев ствол, не изменил выражения лица. Правда, теперь, когда я смотрел на него сквозь мушку, он не казался мне столь уж страшным. Теперь я мог действовать спокойнее, скажем, подранить его и сдать милиции. Если бы это произошло полчаса назад, я бы так и поступил.

Но сейчас решала уже не голова. Я затаил дыхание, мягко, как учили, нажал на спуск, и пуля влетела ему в глаз. С двух с половиной метров это не так уж и трудно. «Беретта» так устроена, что пуля летает, как будто она продолжение вашего взгляда. Да она и слишком мелкая, чтобы палить куда попало.

Страшный медленно завалился на диван, а дети умудрились закричать сквозь скотч. Но теперь я за них уже не боялся. И не развязал их до того, как Лена не привела себя в порядок.

Потом мы велели детям остаться в комнате с футболом, предварительно вынеся оттуда в коридор труп. Они умницы, они знают, когда нужно молчать и ждать указаний. Кроме того, они очень верят своему папе, отнюдь не считая его никчемным старпером. В моей семье вообще знают, кто старший.

А потом мы с Леной заперлись с пришедшим в себя после скалки бандитом. Лена пару раз добавляла ему «наркоз», поэтому в полной форме он, конечно, не был.

Но в сознание пришел и отдавал отчет в происходящих событиях. Жизнь ему теперь нравилась гораздо меньше, чем двадцать пять минут назад. И здесь я был полностью с ним солидарен. С той только разницей, что это не я ворвался к нему в дом.

Итак, я смотрел в глаза человеку лет тридцати, накачанному, подготовленному, явно умеющему быстро реагировать. И готовому в любой момент на любое паскудство.

Он лежал на полу, ноги в навверняка дорогих джинсах спеленуты скотчем (совсем недавно купил четыре катушки), по лбу течет кровь.

– Поговорим? – Я присел перед ним на корточки с «береттой» в руке.

– Ты покойник, урод, – спокойно ответил бандюк.

– А звать тебя как?

– Федор.

– П...ец тебе, Федор! – неожиданно вырвалось у меня. Я вообще-то не матерюсь. Но его спокойствие раздражало. Он, похоже, не понял, что наделал. И что мне терять уже нечего. Его вводило в заблуждение несоответствие моих действий с его представлениями обо мне. Поэтому я прицелился ему в колено и выстрелил.

«Беретта» – негромкое оружие. Кость треснула с не меньшим звуком. Он раскрыл рот и взвыл. Я ткнул ему в пасть заранее приготовленный носок. На попорченной брючине быстро расплывалось темное пятно.

Когда он затих, я передал «беретту» Лене и вытащил носок.

– Поговорим?

– Сука, – прошелестел Федор.

Я снова взял у Лены пистолет и прицелился во второе колено.

– Стой, – всхлипнул бандит. (Теперь его очередь плакать!) – Что тебе надо?

– Кто тебя послал?

– Тебе лучше не знать. Сматывайся, пока можешь.

– Не могу, Федор. Пока не выясню, в чем дело, не могу. Да и к тебе у меня личный должок.

– Ты что, дурак? – искренне удивился раненый. – Нужна мне твоя баба! Да если б я отказался, меня бы уже замочили!

– Это, Федор, твои проблемы. Я тебя на работу не устраивал. Повторяю вопрос: кто тебя послал?

Федор молчал. Тогда я встал и поставил свои килограммы на его разбитое колено. Лена судорожно закрыла глаза. Бандит взвизгнул:

– Иван Андреич!

– Адрес?

– Тополевая, двадцать три. Охранное агентство «Сапсан». Они нас ждут.

– Это, видимо, исполнители. Твое место работы. А кто заказчик?

– Понятия не имею. Я честно говорю!

– Сколько вас приехало?

– Пятый в машине, за домом твоим, «БМВ»-«трешка».

Я задумался. Три трупа в квартире. Два живых бандита и их фирма в придачу. Звонить в милицию? А чем она поможет? Что я, газет не читаю?

Меня заказали, это ясно. Что по ошибке, тоже ясно. И даже знаю, вместо кого. В квартиру над нами пару месяцев назад въехал сосед. Его евроремонт отравил всем два месяца жизни. А его джип постоянно перекрывал мне выезд из «ракушки». И мы уже шутили с Ленкой насчет будущих перестрелок. Но не ожидали, что шутки окажутся столь пророческими.

Так. Еще раз. От меня теперь не отстанут. Значит, надо делать дело до конца. Я очень осторожный человек. И нерешительный. Но только до той минуты, пока решение не принято. А дальше, как говорит мой друг и партнер Ефим, я уже – упертый дурак. Он употребляет другое слово, но смысл от этого не меняется, лишь усиливается.

– Федор, а сколько народу на Тополевой?

– Ты что, мужик, совсем охренел? – По-моему, он начинает меня уважать. – Из тебя там кашу сделают.

– Одни уже пытались, – не выдерживаю я. Решение принято, и теперь ничего не страшно.

Лена знает меня хорошо и смотрит с ужасом. Но не вмешивается. Она знает, когда вмешиваться нельзя.

– Как туда пройти или въехать?

– Пройти – никак. Охрана.

- А въехать?
- На наших машинах электронная «открывалка» для ворот. Нас не проверяют.
- Иван Андреич – директор?
- Да.
- Кабинет отдельный?
- Да.
- Кто в приемной?
- Секретарша.
- Больше никого?
- Обычно так.
- Секретарша с оружием?
- Это его девка. – Федор презрительно сожмурился.
- Ладно, Федор. Заканчиваем. Если будешь себя хорошо вести – доживешь до ментов. –

Я снова передал пистолет Ленке. – Последний вопрос: какого цвета ваша машина и как зовут водителя?

– Черная. Гном.

Я вышел в коридор и набрал номер Ефима. Длинные гудки. Опять где-то шляется, творец чертов. Вернулся в комнату с радиотрубкой.

– Лена, каждые двадцать минут ищи Ефима. Все ему расскажешь, пусть думает. У него голова большая.

– Хорошо.

– Этого гада держи на мушке. Чуть мяукнет – стреляй.

– Саша, что ты затеял? Не надо, ты погибнешь!

Это что-то новенькое. Обычно все серьезные вопросы решал я.

– Леночка, я все обдумал. В случае чего Ефим поможет.

В Ефиме я уверен, как в самом себе. Он не всегда серьезен и ответствен. Но никогда не продаст.

И тут Федор снова подал голос:

– Делаю тебе предложение, урод. Ты сматываешься. А я звоню своим и объясняю, что наскочили на засаду.

Ага, понял-таки, придурок, что рассказал мне больше, чем ему простят.

– Нет, Федор, – объясняю ему. – Мне еще нужно пообщаться с твоим шефом.

– Сдохнешь, козел! А так бы оба выплыли. Могу и денег дать на бега.

Но Федор меня уже не интересовал. Я в отличие от киношных героев не схожу с ума от желания отомстить укусившей меня собаке. Но был бы не прочь разобраться с дрессировщиком.

Однако бандюк сделал еще одну попытку остановить мои планы. Решил перевести стрелку на себя, справедливо считая, что я раздумал его убивать.

– Слышь, урод! – По-другому он ко мне не обращался. Грубый. – А твоей супруге – понравилось. Ей-богу, понравилось! – Ему нужно было протянуть время. Когда-нибудь пятый в машине все равно забеспокоится.

Я понимал, что нельзя терять ни минуты, но инстинктивно развернулся. И увидел, что по его невысокому лбу потекла еще одна тоненькая красная струйка. И на этот раз – не от скалки, хотя дырочка от пульки «беретты» была еле видна. Странно, что выстрела я не слышал. Хороши все-таки голоса у наших рок-звезд!

Ленка бросила пистолет и заплакала. А у меня, странное дело, никаких новых чувств. Одним больше, одним меньше.

– Стрелял я, – на всякий случай уточнил Ленке версию. Она покорно кивнула. Нет никакого смысла сидеть вдвоем, оставив детей без присмотра.

Установив по карте Москвы местонахождение Тополевой улицы, пошел к выходу. Жена вызовет милицию через десять минут после моего ухода.

Я захлопнул дверь, оставив жену и детей наедине с четырьмя трупами. Все бандитское оружие осталось в квартире. Кроме «АКС-74У» со складным прикладом, уютно устроившимся под моей курткой. По обрывочным сведениям, сохранившимся со времен институтских военных сборов, этот зверь стрелял пулями чуть меньшего, чем у старых «калашей», калибра и был длиной 49 сантиметров. Он лежал в сумке страшного, упокой Господь его душу. У него же я позаимствовал гранату РГД, которую не видел лет двадцать, после все тех же институтских сборов.

Странное дело, я многое бы дал, чтобы все произошедшее оказалось дурным сном. Но уж коли ситуация случилась, действовал так, как считал единственно правильным.

Посмотрел бы на меня наш суперменистый Ефим! Хотя вот его-то мне и не хватает! А еще больше он понадобится через пару часов. А может, и не понадобится, если бандюки все же отнесутся серьезнее к немолодому и толстому бухгалтеру.

На лестничной клетке позвонил в соседскую квартиру. Там жил прапор Петя, мой хороший сосед. Он был дома.

Очень кратко и не пугая, я ввел его в курс дела. Его задача – принять от меня водителя «БМВ» и додержать того до приезда милиции.

Впрочем, Петюню и трезвого не напугаешь, а когда выпьет, то вообще орел. Сейчас он выпил.

* * *

Когда я подошел к «БМВ», водитель, толстый детина с опухшими глазами, даже разговаривать со мной не захотел. «Отойди от машины, урод!» – вот и все, что он мне сообщил. Словарный запас у них, как у Элочки-людоедки.

Тогда я плюнул ему на стекло. Нетривиальное решение подействовало: детина выскочил из машины, но, наткнувшись на ствол «АКСа», сразу утратил прыть. Я был готов к стрельбе, и он это четко понял. По команде быстро и, похоже, привычно, лег на землю, заложив руки за голову. На всякий случай я крепко приложил ему автоматом по голове.

Петя умело скрутил его. Оружия при парне не оказалось. Я нашел пульт дистанционного управления, и бандит не стал строить из себя героя. Преданно смотря на меня одним глазом – второй залило кровью, – тут же показал, на что нажимать, и даже повторил, чтобы я чего не перепутал.

– Петь, милицию вызывать не надо. Ленка вызвала. А номер и цвет «БМВ» ты забыл.

– Забыл, Петрович, забыл напрочь, езжай спокойно. – Петя смотрел на меня с уважением, не так, как раньше. Смешно, но это мне понравилось.

Зевак вокруг не было, все прошло очень мирно и буднично. Я нажал на газ и поехал к Тополевой.

Чудесная машина прекрасно слушалась руля и педалей. Несмотря на ситуацию, я испытывал удовольствие от обладания таким аппаратом. И еще, кажется, от ощущения, что этот аппарат завоеван в бою.

Доехал без приключений, не считая того, что зазвонил радиотелефон. Я нажал на «йес», потом на «ноу». Пусть лучше думают, что звонок сорвался, чем заподозрят отсутствие хозяина. Никто не перезвонил, и хитрость не пришлось повторять.

* * *

Ворота дома 23 по улице Тополевой при внимательном рассмотрении могли многое сказать о хозяине. Солидный – это раз. И осторожный: две видекамеры разглядывали площадку перед воротами и калиткой.

Я поманипулировал с пультом. Ворота открылись. «БМВ» въехала в маленький дворик, с левого края которого была дверь. О ней мне тоже сообщил Федор.

Теперь страха не было. Было огромное желание покончить с этой историей. Месть поможет забыться мне. А я помогу забыть Ленке. И мы вдвоем должны помочь забыть детям. Если, конечно, я выйду из этого симпатичного серенького домика живым. Кстати, войти в него может быть непросто.

Оказалось – проще простого. Охранялись, по всей видимости, калитка и вход в дом с улицы. Со двора – для своих. Да и вид мой не вызывал у бандюков ничего, кроме желания назвать уродом.

Вот и второй этаж. Приемная. За столом – молодая девчонка, крашенная блондинка.

– Вам куда, папаша?

Вот так меня еще не называли.

– К Ивану Андреевичу.

– Договаривались?

– Мы старые друзья. Он меня всегда примет.

– Хорошо, раздевайтесь, а я доложу.

Ни то ни другое не входило в мои планы. Под курткой – «АКС», а предупрежденный Иван Андреевич может не захотеть общаться со мной на моих условиях.

Поэтому я показал девушке автомат, и она, умница, по моей просьбе сразу легла на пол. Аккуратно так, даже юбочку одернула. Я честно выдернул трубки из трех телефонных аппаратов, стоявших на столе, и захлопнул входную дверь.

– Закричишь или выйдешь – найду и убью, – объяснил я девице. Видимо, она все-таки догадывалась о специализации работодателя, потому что напасти восприняла стойко и, я бы сказал, без удивления.

А я шагнул к кабинету. В нем оказалось две двери. Обе – дорогие, из какого-то дерева красноватого цвета. И мебель в кабинете тоже была красного цвета, явно непростая. Мы с Ефимом за пять лет напряженной работы такую не потянули бы.

За столом сидел Иван Андреевич. Он был очень доволен собой и, несмотря на возраст – постарше моего, – смотрелся как из импортного кинофильма.

– Вы ко мне? – удивился он, но, разглядев автомат, замолчал. Впрочем, не похоже было, что испугался. Меня даже с автоматом не боятся. Сначала. – Что вас к нам привело? – дружески спросил он. Манеры старого джентльмена напомнили мне покойного старшего. Он тоже был очень мил, перед тем как мне врезали, а жену изнасиловали.

– Есть проблемы, – честно признался я.

– Выкладывайте, – предложил Иван Андреевич.

Нет, с таким точно не пропадешь. Смотрит на тебя, как секретарь обкома из доперестроечных фильмов. Простой, добрый и с неограниченными возможностями.

– Беда у меня, – говорю, – Иван Андреевич! Я жену свою люблю, а ее изнасиловали. Детей люблю, а их перепугали и собирались убить.

– Кто? – закаменел лицом Иван Андреевич. Ну не любит он, когда жен насилюют и детей пугают.

– Опричники ваши. Вы послали их какие-то документы искать, а ублюдки эти зашли не в ту квартиру и таких дел натворили!

Прыгнуло-таки лицо Ивана Андреевича! Давно не практиковался, старый! Начал все отрицать, но мне уже было ясно. И ему уже было ясно, что мне ясно. А потому оба мы выжить не могли.

– Давайте договоримся спокойно, – убеждал меня Иван Андреевич, – все, кто неправильно понял приказ и воевал с детьми, будут сурово наказаны.

– Они уже сурово наказаны, Иван Андреич! – пояснил я ситуацию. – Теперь очередь за вами.

Я не уловил момент, когда у него сдали нервы. Он вдруг оказался с пистолетом. Я этого и ждал, не мог выстрелить в пожилого безоружного убийцу. «АКС» был поставлен на очередь, и эта очередь разбросала старого волка по роскошным обоям его кабинета. Это вам не какая-нибудь «беретта»!

Услышав стрельбу, народ в домике забегал. В дверь, предусмотрительно мной запертую, рвались. Но все было сделано добротнo. А кроме того, я пальнул тремя патронами по верху двери. Рваться перестали.

По телефону Ивана Андреевича позвонил по 02 и сообщил о большой стрельбе на Тополевой, 23. ОМОН прибыл необычайно быстро, и еще через час я уже был в СИЗО, в небольшой одиночной камере.

* * *

Два часа назад я сидел в своем любимом кресле и смотрел боевик. Час назад я в боевике участвовал. Зато теперь пора моей активности закончилась, и очень похоже, что надолго.

Ефим, я очень надеюсь на тебя!

Глава 2

Черная вода была почти неподвижна. Крошечная рябь шла лишь от выступающей над водой коряги.

Это – в правом нижнем углу кадра. Левее и выше вода была такой же темной, но уже совсем без морщинок, как антрацитовое зеркало. В ней отражались небо, низкие серые облака и – ближе к краю – низкорослые, почти облетевшие березки, с трудом выросшие на болотине.

Все вместе это называлось – осень.

Ефим Береславский удовлетворенно хмыкнул и нажал на спуск. Вряд ли этот сюжет принесет ему славу, но он успел прочувствовать настроение момента и, если повезло, зафиксировать его. А коллекционирование моментов и было основной целью Ефима. Если копнуть глубже – с помощью «лейки» и трех «кэнонов» он, как умел, боролся с быстротечностью жизни.

В машине, оставленной на шоссе, зазвонил мобильный телефон. Ефим быстро, несмотря на свой пятьдесят шестой размер, выбрался по склону на дорогу, открыл дверцу и схватил аппарат. Но не успел. Мобильник отключился на мгновение раньше.

– Кому надо, еще наберут, – проворчал Ефим. Отрываться от камеры было обидно. Он подождал пару минут и, не дождавшись повторного звонка, пошел обратно. Спускаться было тяжелее. Девяносто пять килограммов нетто не способствовали аккуратности сползания по глинистой влажной земле.

Чертыхнувшись, Береславский стряхнул приставшие веточки и вновь приткнулся к окуляру. Но настроения уже не было. Сделав пару дежурных щелчков, Ефим отвинтил камеру от штатива, аккуратно упаковал ее в фотосумку. Потом сложил штатив и окинул последним взором «поле боя». Болотина опять неуловимо изменилась. Солнце за облаками чуть набрало силу и, даже еще не пробившись, добавило в картинку желтого и красного, смягчило и утеплilo ее. Это был совсем другой момент жизни, чем три минуты назад.

За что, собственно, Береславский и любил жизнь.

Он добавил новую картинку в свою личную память и, улыбнувшись, полез наверх.

Проезжавшие мимо машины чуть притормаживали, а их обитатели с интересом рассматривали грузного лысоватого мужчину в более чем цивилизованном прикиде, торжественно вылезавшего из кювета. Впрочем, его это никак не волновало.

* * *

«Ауди» завелась с полоборота. Ефим включил поворотник и, выждав момент, в один заход развернулся на нешироком загородном шоссе. Несмотря на внушительные размеры, «птичка» была весьма верткой. Теперь массивный нос его любимой игрушки был направлен в сторону столицы.

Ефим поддал газу, почти мгновенно добравшись до ста километров в час, и вновь довольно улыбнулся.

Машина не переставала радовать. Внешне – обычная «Ауди-100» пятилетней давности. Автомобиль, вполне соответствующий статусу его фирмы. Подержанная такая тачка стоит как два с половиной «жигуля», но комфортна, надежна, добротна. Короче, авто для бизнесмена того уровня, на котором еще не летают пули, но уже вкушают неких прелестей западной цивилизации.

В принципе все сказанное точно отображает уровень Ефимова бизнеса. Хотя и никак не определяет Ефимову суть. Даже те, кто хорошо его знает – а таких очень мало, может, десяток на всю Москву, – не рискнули бы точно определять Ефима. Слишком уж разный. Не сложный, а разный. Не такой, как все. Неопределяемый. Вот его главное отличие. Если уж он сам не знает, чего ему в этой жизни надо, то как его определишь?

А в машине действительно многое необычно. Например, двигатель. Четырехлитровый монстр с турбиной тесно занимает все подкапотное пространство и позволяет ездить со скоростью триста километров в час. Понятно, если бы было где так ездить.

Самое смешное, что Береславский быстро водит редко, хотя и умеет. Но четыреста шесть лошадиных сил под педалью греют его необычайно. И, обнаружив эту тачку в немецких каталогах, он искал ее три года.

Зачем? А кто ж его знает? И сам он не знает. Хочется – и все.

Это и есть его главный жизненный принцип.

Глава 3

Лена кинула трубку на рычаг так, как будто та была во всем виновата. Она звонила Ефиму раз десять. Сначала равнодушный голос объяснял, что абонент находится вне зоны обслуживания. Потом, когда наконец пошли длинные гудки, трубку никто не снял. Обычно Ефим хватает телефон сразу, он жутко охоч до новостей. Раз не взял, значит, отсутствует. И это тогда, когда он так необходим! Лена с досады стукнула ладонью по столу.

Валька, прикорнувший прямо в кресле, вздрогнул и проснулся. Ошарашенно покрутил головой, видимо, вспомнив случившееся. Губы сложились в гримасу, но Валька не заплакал. Зато не выдержала Лена. Подлетела к сыну, обняла его, прижала к груди:

– Все, все, все, сынок. Все прошло. Папа всех врагов убил. Теперь все будет хорошо.

Валька не выдержал, заревел.

Но Лена была почти спокойна. Она верила в сына. А то, что произошло с ней самой, не казалось ей столь страшным, потому что она понимала: дети, ее дети, остались в живых лишь благодаря Саше. И еще – благодаря невероятному везению. Радость от того, что дети живы, перевешивала все остальное.

Лена содрогнулась, вспомнив себя под этой скотиной. Она минут сорок простояла под нестерпимо горячим душем, чтобы смыть с себя – не грязь – ощущение!

И еще одно, что помогло перетерпеть: враг, оскорбивший ее, был убит ею. Умом она понимала, что лишний труп на Сашке никому не нужен. Но ни на секунду не пожалела о том миге. И указательный палец до сих пор хранил ощущение от спускового крючка. И это ощущение не было неприятным!

Валька успокоился, затих. Потом, прямо в ее руках, как когда-то, заснул. Она опустила его в кресло, прошла в другую комнату. Там спала Валентина. Две таблетки феназепама не лучший метод послестрессового лечения, но Лена верила в своих детей. Все будет в порядке.

Она прошла по комнатам. Основные следы дневного кошмара уже были уничтожены. Кто только не наехал сюда: из отделения, из МУРа, из РУОПа. Еще какие-то непонятные хмурые люди в штатском. Криминалисты поковырялись и посверкали фотовспышками, трупы вынесли. Лена рассказала все так, как велел Сашка. Дети тоже рассказали, что знали, а остальное время просидели у соседей.

Лена всхлипнула. Обвела взглядом комнату. Почти все прибрано. Лишь между паркетин кое-где темнели полосы, там, куда натекла кровь.

Что делать дальше, она пока не представляла. Будет ждать Ефима. Но когда он даст указания, Лена выполнит их сполна. Сашка может не беспокоиться.

Глава 4

Сразу было видно, кто в доме хозяин. Один, плечистый, здоровенный, явно бывший здесь не впервые (охранники называли его между собой Генералом), все время раздавал указания свите и сотрудникам. Другой – невысокий, с бородкой и в очочках. Если бы дело было за границей – ни дать ни взять переводчик.

Но Андрей Беланов в этих делах – дока. И, докладывая о проблеме, намеренно выкапывал глаза, впери́в взор в посверкивающие очочки. Андрей по опыту знал, что штатским это нравилось. А Беланову очень нужно было понравиться главному. Из-за оперативной неудачи, хоть и нерядовой, таких ночных сборов не бывает. А значит, вполне вероятно, что речь идет не о карьере – о жизни. Уж Андрей-то в этом разобрался!

В сущности, он не так уж и виноват: перепоручил мелкое дело – отнять портфель у мозгляка! Никто не мог предположить, что из-за придурка, перепутавшего этаж, будет столько шума и крови! Но дело в том, что нынче не в моде разбираться в сущности. А жить Андрею хотелось очень!

Они сидели в небольшой комнатухе с одной дверью. В комнате все было фальшивым: портьера занавешивала несуществующее окно, сверху был зеркальный фальш-потолок, по сторонам – отделанные модными обоями фальш-стены. («Туда микрофонов сотню можно наткатыть», – не к месту подумал Беланов. Но вряд ли среди своих нашелся бы чудак, решившийся за мзду оставить здесь «жучка». А чужие сюда второй раз не попадали.) Вот пол был настоящий, каменный, холодный.

Жить здесь было бы неудобно. Но эту комнату и строили не для того, чтобы в ней жить.

– Виктор Петрович, – обратился здоровенный к штатскому, – это, к сожалению, возможная в нашем деле случайность. Вопрос только в сроке ее устранения. Но это уже наш вопрос.

– Да-да! – горячо поддержал Андрей. – Два-три дня, и документы будут у нас. Ему просто повезло, далеко он не уйдет. Дважды такое не повторяется.

Встреча длилась уже минут семь. За все время штатский не произнес ни слова. Даже не поздоровался. Генерал по-своему понял причину его молчания.

– Виктор Петрович, в этой комнате безопасность – сто процентов. Строили еще при Союзе, специалисты. За это – не бойтесь. – Сказал и сразу понял, что неудачно. Тонкие губы штатского в отличие от глаз улыбались.

– С вами я ничего не боюсь. – Он говорил тихо. Наверное, потому, что его всегда слушали внимательно. – Вы же орлы. Вам никакой бухгалтер не страшен. Если вас – взвод. А если отделение – то это как сказать.

Андрей облегченно выдохнул. Раз язвит, значит, заставит исправлять. А поскольку мертвые ничего исправить не в состоянии, значит, Андрею дадут шанс.

Генерал, наоборот, сразу вспотел. Он был удручен результатом операции, но лично за себя не боялся. А вот обижать человека, чья злопамятность стала притчей во языцех, не следовало бы.

– Извините, – попытался он исправить положение. – Я не предупредил вас заранее о степени защищенности объекта и вот теперь сделал это не совсем удачно.

– Сделали и сделали, – сразу став безразличным, сказал штатский. – Но хоть объясните, как обычный бухгалтер мелкой фирмы – мы это уже проверили! – уложил столько профессионалов?

– Это бывает, – вступил Андрей. – Просто повезло. Но такое бывает только один раз. Вот увидите.

– Ваши люди лишнего не скажут?

– Трое погибли в квартире. Один тяжело ранен, он под нашей охраной, в госпитале. Надежный, проверенный человек.

– Вы все понимаете важность операции? – сверкнули стекла. Если б здесь могла летать муха, ее бы услышали.

Пауза.

– Что прикажете делать? – Генерал задал явно неудачный вопрос. Пауза продолжилась, но стала определенно угрожающей.

Генерал сглотнул и попытался снять напряжение:

– Состояние раненого критическое. Он вряд ли выживет.

Теперь кивнул штатский.

Возмущению Беланова не было предела. Замочить своего, который и знать ничего не знает! Лучше бы оставаться в «конторе» и получать гроши. Хоть и много слухов ходило про их службу, но такого там не было. А здесь раз – и бойца в расход. Капитализм, дери его в душу! Правда, пенсия вдова получит такой, какой государство выделяет на полсотню «двухсотых»¹. Ладно, сам выбрал свою долю.

– И еще. Бухгалтер в РУОПе всем объясняет, что его перепутали. Нужно, чтобы ему не поверили.

– Что надо сделать?

Теперь штатский разозлился всерьез:

– Если не можете сами принять решение, попросите у меня отпуск. Я подпишу.

На этот раз похолодел и Генерал. Не такой уж он был великой шишкой, чтоб быть застрахованным от подобного отпуска.

– Мы все понимаем. Бухгалтер исчезнет. Его семья тоже.

Штатский молчал. Генерал лихорадочно соображал. Говоря про семью, он предлагал с запасом. Выручил Андрей.

– Семья не исчезнет, – скучно сказал он. – Если она исчезнет, то это будет непонятно. А вот если их всех убьют, то, значит, довели дело до конца. И бухгалтер был не прав, утверждая, что кто-то просто обознался. – Андрей ощущал себя наевшимся дерьма. Но сейчас ему даже как будто нравилось раздвигать барьеры, которые еще три года назад казались незыблемыми.

Молчание штатского теперь было явно благожелательным. Беланов решил закрепить успех:

– А что за фирма у этого ловкача?

– Рекламное агентство. – Штатский впервые посмотрел на Андрея с любопытством.

– Большое?

– Никакое. Ездят на подержанных тачках и отдыхают в Испании.

– Можно им подбросить заказ? Большой. С тендером. Ненадолго, но след собьет. По серийному... – слово «убийство» Беланов не смог выговорить, – происшествию будет работать уголовка. Они начнут отрабатывать бизнес. На это уйдет время.

Штатский вновь кивнул, и по неприязненному взгляду Генерала Андрей понял, что мяч попал в корзину. Настроение сразу поднялось. В конце концов, ни Наполеону, ни Суворову, ни Жукову никто не припоминает, какой ценой они стали великими полководцами. А здесь всего-то несколько человек. К тому же все бухгалтеры – жулики. Это они разграбили Россию.

– Я сделаю сам, – уже уверенно заговорил Беланов. – Мне нужны еще двое – и всё. Никаких лобовых атак. Проблем от того филиала не будет?

– Бухгалтер решил все проблемы из автомата, – улыбнулся штатский. На этот раз не только губами.

---

¹ Груз «двести» – тела погибших при исполнении боевого задания. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Андрей пришел к выводу, что не одному ему нравится этот неведомый ловкач бухгалтер.

– О'кей. Он мой.

Теперь он был уверен, что штатский определенно им доволен. И что Генерал определенно его ненавидит. Ну и хрен с ним. Здесь играют серьезные мужчины. В случае чего молодая жена Генерала получит отличное наследство. А его старая жена уже и так все имеет...

Глава 5

Уже под вечер Ефим добрался до Окружной. В связи с чеченскими событиями и терактами в столице милицейское начальство демонстрировало свое усердие. А именно: широкое шоссе на въезде в город было перегорожено до размеров проселка, и в это бутылочное горлышко с трудом протискивались автомобили. Гаишники, или, как теперь какой-то умник придумал, гибэдэдэшники, стояли сбоку потока, время от времени выдерживая непонравившееся авто на обочину. Но до места неестественного отбора еще нужно было добраться.

Береславский потерял полчаса, пробираясь в куче автомобилей и матеря борцов с терроризмом.

Вообще его отношение к милиции было непростым. С одной стороны, он еще с журналистских времен собственной шкуркой прочувствовал их труд – не раз выезжал на задания и с пэпээсниками², и с гаишниками, и с уголовкой. И он прекрасно понимал, что если бы не милиция, то страну захлестнул бы беспредел. Береславский имел богатый опыт общения с криминалом – и журналистский, и личный: вырос как-никак на 101-м километре. А потому иллюзии насчет честных и благородных рыцарей ночи его никогда не туманили. Однако, с другой стороны, любое ограничение свободы раздражало, особенно когда эти ограничения были вызваны не желанием решить проблему, а желанием продемонстрировать усилия в этом направлении.

Но вот наконец и его «сотка», не вызвав никаких подозрений, проползла сквозь игольное ушко и вырвалась на оперативный простор. Ефим поддал газу, приоткрыл окошко, выдувая из салона накопившиеся в пробке выхлопы (режим фильтрации в кондиционере не работал, а за починку просили много денег), и наслаждался быстрой ездой.

Как оказалось, недолгой.

Уже через пять минут вольного полета показалось новое столпотворение. Это было слишком: суббота – непробочный день. Но что было, то было. Железные ряды авто, перистальтически подергиваясь, подтягивались к светофору, а вдоль машин прохаживались (или прокатывались на колясках) инвалиды – новая примета столичных пробок. Все они были в камуфляже и выставляли на сочувственное обозрение обрубки ног и рук.

Кто поскромнее, просто брел вдоль машин. Кто поактивнее – стучал в окна и требовал жалости.

Ефим никогда не подавал на перекрестках. Во-первых, он имел информацию о структуре этого бизнеса. А во-вторых, в пробках податые инвалиды легко могли оказаться под колесом, и Береславский не хотел даже косвенно способствовать этому.

Он демонстративно отвернулся от очередного идущего обходом страдальца. Тот прошел мимо «сотки» и остановился у впереди стоящего «лендкрузера». Владельцы джипов, по наблюдениям Ефима, в среднем были более сентиментальны. Вот и здесь окно открылось, и рука, плотно украшенная татуировкой, протянула инвалиду несколько бумажек. Тот торопливо их принял и, не благодаря, неловко развернулся в сторону Ефима.

На мгновение их глаза встретились. Узнавание и решение случились одновременно. Поток двинулся, Береславский подъехал к инвалиду.

Центральный замок щелчком открыл заднюю дверь, стекло на своей двери Ефим опустил чуть раньше.

– Садись, Атаман!

– Спасибо, не надо, – угрюмо ответил инвалид.

– Садись, засранец! – рявкнул Ефим.

---

² ППС – патрульно-постовая служба.

Инвалид вздрогнул и, неловко подгибая протезную ногу, полез в салон. Сзади гудели остановленные машины, но Ефим никогда не обращал внимания на подобные мелочи. Через мгновение «ауди» тронулась, и заторможенный Ефимом железный поток вновь пришел в движение.

* * *

25 лет назад

Береславский попал в этот лагерь по старым горкомовским завязкам. В семнадцать лет работать вожатым было еще не положено, тем более с таким контингентом. Однако, как говорит известная поговорка, если нельзя, но очень хочется, то можно. Ефим эту поговорку модернизировал, изменив слово «можно» на «нужно».

Вот и сейчас, поулыбавшись Лене, старой, лет двадцати семи, мымре, знакомой по пионервожатским походам (опять же, Ефим пионервожатым никогда не был, но ему нравилась девочка Алла из этой команды, и уже давно никто не задавался вопросом, почему он участвует во всех пионервожатских тусовках), пошептавшись с Игорем, выдвинувшимся в горком из комитета комсомола их школы, и посоветовавшись со Львом Борисычем, замдекана института, куда его только-только приняли, Ефим оказался на пункте сбора спецпионерлагеря «Радуга».

Пионервожатый первого отряда Ефим Береславский слабо представлял себе свои будущие обязанности, но некоторые понятия знал точно. Ему должны были заплатить 37 руб. 50 коп. за отработанный месяц плюс бесплатное питание. Он получал трудовую книжку, и с этого момента ему шел трудовой стаж. И наконец, он избавлялся от институтской сельхозповинности: Лев Борисыч без радости, но с уважением прочитал горкомовское предписание о направлении Ефима на работу в лагерь по воспитанию трудных подростков.

– Ты там поаккуратнее, – сказал Лев Борисович и пожал ему на прощание руку.

А еще Ефим жаждал романтики. Для своих лет он хорошо знал уголовный мир и откровенно его боялся. Но подлость его характера как раз в том и заключалась, что если Ефим чего боялся, то туда и лез.

В более зрелом возрасте Береславский увлекся психологией и узнал о существовании людей, психологически «запрограммированных» на самоуничтожение. Но и это все-таки было не о нем, потому что, попав в проблему, Ефим проявлял чудеса изворотливости, чтобы выйти из нее без потерь. И чтобы через некоторое время снова найти себе «приключения»...

* * *

36 лет назад

Мама категорически запретила Ефиму заходить за сарай.

«Двор у нас большой», – говорила она, и это было правдой. Домики по улице Чапаева были двухэтажные, но маленькими они тогда не казались. Во дворе было даже место для линейки: летом по утрам местный энтузиаст поднимал флаг на самодельном флагштоке и делал с детьми зарядку. Здесь же пацаны гоняли в футбол, а девчонки в теньке, на скамеечках, установленных под большими, разросшимися тополями, нянчили кукол, большей частью тряпичных, самодельных.

Двор с трех сторон ограничивался тремя двухподъездными домами, а с четвертой стороны – вышеупомянутыми сараями. В них жильцы хранили дрова: горячую воду получали, протопив дровяную колонку в ванной. У некоторых в сараях была живность: утром там орали петухи, нередко были кролики, а у Калмычихи даже жила настоящая свинья.

Отец Витьки Светлова держал в сарае мотоцикл, поэтому около него, на мальчишечий вкус, всегда пахло особенно хорошо. Но дело не в том, что хранилось в сараях, а в том, что сараи были чертой, отделявшей свой мир от неведомого. И в том, чужом, мире творились непонятные, а иногда страшные вещи. Именно оттуда пришел дворовый силач Шура со страшным окровавленным лицом и с большой дырой вместо двух передних зубов. И именно в ту сторону кивали местные бабки, если утром у какого-нибудь сарая оказывался сбитым замок, а кроликов становилось намного меньше (кстати, кролики никогда не исчезали поголовно: беспредел в том мире не поощрялся). «Тюремщики чертовы», – щерили бабки беззубые рты. «Что ж поделывать, сто первый километр...» – печально вздыхала мама.

Правда, когда Ефим подросток, он понял, что особой разницы между жильцами общаги для отбывших заключение и жильцами их собственного дома не было. Просто первые, если вновь не попадали на зону и не умирали от водки или поножовщины, женились, растили детей, оканчивали вечерние школы. Или даже, как дядя Володя Казак, – институт. («Это после пятнашки-то, от звонка до звонка!» – восторгались бабки.) И переселялись в другие дома, например – в Ефимов.

* * *

«Сынок, никогда не ходи за сараи», – постоянно твердила мама. И как минимум половину запланированной цели достигла. Маленький Береславский боялся «засарайного» мира.

Вторая половина достигнутого никак не соответствовала маминым целям. Ефим твердо знал, что как ни страшно, а за сараи придется идти.

* * *

Как правило, Ефимов героизм был связан с девчонками. Он всегда любил приврать и прихвастнуть, а сказав «а», приходилось говорить «б». Зато и авторитет у него среди сверстников (и даже гораздо более старших!) был немалым.

Вот и в тот раз все было классно. Он что-то рассказывал, пацаны слушали во весь рот. Девчонки делали вид, что им без разницы, но слушали тоже. И в этот момент во двор въехал мотоцикл Светловых. На весь двор мотоцикл был один, но не это привлекло всеобщее внимание. За рулем сидел Витька! Без бати!

Ефим мгновенно был забыт напрочь, а он еще не привык к такому людскому коварству. Он даже испытал некоторое злорадство, когда во двор вбежал Витькин отец с очень красным лицом и горящими глазами. Витька бежать не пытался, только сильно орал, пока его волокли на второй этаж. А взрослые, смеясь, обсуждали, как подлец Витька угнал мотоцикл у собственного батяни, пока тот разговлялся с получки пивком «с прицепом».

Пацаны упивались Витькиным подвигом, полностью забыв про Ефима. А ему было совсем погано: и слава оказалась летучей, и беде дружка порадовался. Ефим думал другими словами, но смысл передан верно.

Вот тогда Ефим и сказал:

– Пацаны, айда за сараи!

Сразу установилась тишина. Те, кто потише, отошли от греха подальше. Кто посмелее, популярно объяснили Ефиму, в чем он не прав. И даже здоровенный третьеклассник Тимка, далеко не самый трусливый во дворе, покрутил пальцем у виска.

– Тогда я пойду один, – сказал Ефим.

Безусловно, это был успех. Все смотрели только на него: мальчишки – с восхищением, девочки – с печальной нежностью. В груди сладко защемило. И он пошел за сараи.

Толпа проводила его до роковой черты. Он переступил ее... и ничего не испытал. За сараями была еще одна линия сараев. А за ними – третья.

За третьими сараями был их двор. Ефим прошел туда. Пейзаж действительно отличался от привычного. Намного больше мата, намного меньше женщин. Обнаженные по пояс мужики играли в «секу». Ефим знал эту игру, он вообще мог играть в карты с трех лет. Как читать научился. Многому можно научиться быстро, если родители весь день на работе, а у пацана – любознательный и беспокойный нрав.

По спицам, рукам и животам игравших можно было при желании проследить весь их жизненный путь. Кстати, маленький Береславский и этим искусством владел сносно.

Прямо на песке спал побитый и полураздетый парень. В их дворе такого бы не допустили: сердобольные соседки уже позвали бы родных.

К Ефиму подвалили два пацана, один – его возраста, другой – большой, уже давно школьник, если, конечно, он ходил в школу. Матроска Ефима на фоне их обносков выглядела вызывающей. В руке старшего была горящая самокрутка.

– Чего к нам пришел, придурок? – спросил он.

Ефим не считал себя придурком, но спорить не хотелось. Было очень страшно. Он испытал состояние, которое в более зрелом возрасте описывал как «ватные колени».

Взрослые прекратили игру и с интересом уставились на происходящее.

– Щас ты у нас землю будешь есть, – сказал Ефиму маленький. И взял с земли горсть песка.

Ефиму еще никогда не было так страшно. Он почувствовал себя совсем одиноким и покинутым. И поступил так, как потом всегда поступал в подобных ситуациях. Он изо всей силы врезал большому и отскочил назад. Большой неожиданно заревел: не был готов к такому повороту. А взрослые одобрительно заржали.

Ефим почувствовал, что набирает очки. Но ненадолго. Маленький кинул ему в глаза песком (что запрещалось в их дворе полностью!) и больно ударил кулаком в живот.

Пока Ефим продирает глаза, он получил уже десяток ударов. Маленький под одобрительный хохот окружающих старательно обрабатывал Ефима.

Ефим почувствовал на губах соленый привкус: из разбитого носа текла кровь. Ныли ушибленные места на груди и лице. Зато вдруг исчез страх. Он зарычал и бросился на врага. Они покатались по земле, как два разъяренных зверька. Но Ефим лучше питался, и ярость его была больше. Когда хватка пацана ослабла, Ефим встал и спросил:

– Еще хочешь? – И добавил: – Сука!

Так всегда говорил их сосед дядя Миша, когда лупил жену.

Маленький враг молча плакал. Один его глаз, подбитый, полуприкрылся, зато во втором сверкала ненависть. И боль.

К Ефиму тем временем подошел следующий персонаж, парень лет аж четырнадцати:

– Может, со мной попробуешь?

Лучше бы он этого не говорил. Ефим сейчас был готов попробовать с кем угодно. Он изо всех сил врезал парню рукой. Из-за огромной разницы в росте удар оказался весьма эффективным. Парень скорчился, а мужики грохнули хохотом. Один, не вставая, сказал:

– Чей пацан?

– Сын начальника цеха с шестого завода, – ответил кто-то.

– Умойте и отведите домой.

Ефим вернулся во двор полным героем.

* * *

А потом, уже ночью, настала его очередь плакать. Нет, его не ругала мама. Папа так даже буркнул что-то одобрительное. Его грязную матроску заботливо постирали и выгладили.

Но Ефим, оставшись в спальне один, полночи тихо проплакал. Злость на маленького врага давно прошла. И перед глазами мелькали то грязное окровавленное лицо, то порванные его, Ефима, руками обноски. И Ефим точно знал, что тому пацану в отличие от него никто чинить одежду не станет. Несмотря на возраст, он уже достаточно разобрался в жизни.

На следующий день Ефим снова пошел за сараи. Он надеялся помириться. Но вчерашний противник, хоть в драку и не полез, смотрел с ненавистью. Ефим, вздохнув, повернул к дому.

* * *

...Вскоре родители переехали в Москву, и в следующий раз на улице Чапаева Береславский появился только через двадцать лет. Двухэтажные дома, как и следовало ожидать, оказались совсем маленькими, сараи – приземистыми, а до пугающей общаги, которая попросту развалилась, было полторы минуты быстрого хода.

Ефим легко нашел людей, которые его помнили. На вопросы о том пацане тоже ответили удивительно быстро: он не дожил и до семнадцати лет, зарезали в драке. В груди Ефима что-то екнуло...

* * *

25 лет назад

Дети, если их так можно назвать, группками распределились по площадке. Парни сидели на корточках кружком и не таясь курили сигареты. Девочки шумно обменивались новостями, обильно приправляя речь матерком.

Вдоль группок носился сухощавый человек лет тридцати пяти, командую и организуя. Это был учитель французского языка, кличка соответственно Француз. И главный воспитатель спецлагеря «Радуга». Для многих собравшихся немаловажными были и иные отличия Француза: например, честно заработанное звание камэсса по боксу.

Что-то быстро обсудив с водителями двух автобусов, Француз подлетел к Ефиму.

– Ну, получилось, едешь? – с ходу начал он.

– У нас всегда получается, – ухмыльнулся Береславский.

– Не хвались, едучи на рать, – хмыкнул Француз. – У меня для тебя две новости: хорошая и плохая. Откуда начать?

– С хорошей.

– Васильеву посадили, Корягина беременна.

Ефим разочарованно кивнул. Он столько ужасов про них слышал на инструктаже, что отсутствие этих персонажей сильно убавляло романтики.

– А теперь – о грустном, – продолжил главный воспитатель. – К нам едет Атаман.

– Какой атаман? – не понял Ефим. Он решил, что речь идет о каких-то проверках.

– Самый неприятный из всех, которые бывают, – объяснил Француз. – Сейчас он в детприемнике, но его подвезут.

– Уже подвезли, Француз! – Голос за спиной преподавателя был совсем детский, а когда Береславский увидел его обладателя, то окончательно поразился. Пацану было от силы лет десять, у него отсутствовал один передний зуб сверху и один – снизу. Не нужно было быть дантистом, чтобы понять, что это не имеет отношения к смене молочных зубов. Курносый нос и оттопыренные большие уши выглядели бы умилительно. Но вот глаза все портили.

Этим глазам было лет сто двадцать. И кроме лукавства и неподдельного оптимизма, в них читались опыт и жестокость. Ефим вздрогнул, почему-то вспомнив мальчишку из запретного двора.

– Вот и он, – со вздохом констатировал педагог.

– Вы хотите его в первый отряд? – удивился Береславский. – Он же маленький!

– Это у тебя маленький! – заявил Атаман. Окружающие заржали, оценив шутку.

– Не такой уж он маленький, – безрадостно сказал Француз. – Тринадцать лет. Еще бы годок – и сейчас бы он не досаждал обществу. А так – мы должны перевоспитывать.

– Понял, студент? – строго спросил Атаман. Он был неплохо информирован: Ефим прежде появлялся здесь лишь дважды, когда договаривался с Французом о работе и проходил инструктаж.

– Понял. – Ефим принял вызов и внимательно осмотрел парня. – Будешь в моем отряде.

– А ты в моем, – хохотнул Атаман.

На том и порешили.

Вообще спецлагерь «Радуга» имел забавное устройство. Как объяснил Француз, «мы здесь работаем с теми, кого пока нельзя посадить». Поэтому стен и колючки по периметру не было. Но курить – разрешалось, свежие наколки наказывались, мат рассматривался как малое зло.

Атаман в то лето попортил Береславскому немало крови. В первый же вечер он заговорщицки предложил водителю трахнуть Маню, то есть Марию Бочкину, унылую девицу лет пятнадцати, у которой приводов было больше, чем пальцев на руках и ногах. Разговор состоялся в спальне первого отряда.

Ефим в первую секунду не нашелся с ответом. Атаман счел это согласием и крикнул:

– Маня, заходи!

Маня вошла. И, тупо глядя под ноги, остановилась у двери. Ефим не придумал ничего лучше, как с досады метнуть в нее подушкой. Маня вышла.

Атаман ничуть не смутился. Но жизнь у Береславского настала сложная. Отрядом явно рулил не он. И уж точно не воспитательница предпенсионного возраста. И даже не Француз, сильно загруженный общелагерными делами. Ефим понял, что погоняло у пацана появилось не случайно.

В отряде, кстати, был единственный мальчик, который каждое утро здоровался со взрослыми, не сквернословил и даже не курил. Ефим еще подумал, что не все они такие конченые. Но через пару дней подъехал к воротам милицейский ярко-желтый «луноход» и вежливого мальчика забрали. Оказалось, он был под следствием, и теперь ему светило от трех лет и выше по 117-й статье³.

Атмосферка сгущалась. Ефим не любил проигрывать, а Атаман любил побеждать. Причем все делал так, что не придерешься. Скажем, утром исчезли туфли Береславского (он спал тут же, в спальне воспитанников). Дурацкая ситуация – полдня ходить по лагерю босиком.

Потом туфли нашлись. На крыше. Когда Ефим лез за ними, детишки разве что не улюлюкали.

---

³ Статья 117-я – ответственность за изнасилование (по старому УК).

Однако уже через неделю ситуация изменилась. Она менялась постепенно, но радикально. Береславский не совершил никаких педагогических открытий. Он не подлаживался под ребят. Не жаловался Французу. Не искал компромиссов. Просто во всех случаях поступал так, как считал нужным. Но самым страшным оружием в борьбе за сердца пацанов оказалась... его собственная любовь к чтению!

Интуитивно Береславский понял, что подавляющее большинство ребят были страшно обделены не только любовью близких, но и нормальной жизненной информацией. Они ничего не читали, мало у кого был телевизор. Разговоры друг с другом тоже не прибавляли много нового. Информационный вакуум – так нетривиально определил Ефим причину подросткового неблагополучия. И постарался этот вакуум заполнить.

Его рот буквально не закрывался. Он говорил по двенадцать часов в сутки, аж горло пересыхало. Он постоянно кому-то чего-то рассказывал, пересказывал и досказывал. В ход пошло все прочитанное: от «Библиотеки приключений» до научных трактатов. Ребята просто поглощали информацию, ведь она не была школьно-занудной. Все, что говорилось, было привязано к конкретным ситуациям и примеривалось на себя.

Например, Береславский полностью вывел моду на наколки. Причем самым иезуитским образом. Мама, врач-хирург, по его просьбе подвезла ему медицинский атлас с цветными фотографиями некрозных поражений конечностей. Ефим давал разглядывать это всем желающим, бессовестно манипулируя фактами и связывая в одну цепочку иголку – наколку – микробов – сепсис – гангрену – ампутацию.

Абсолютным властелином душ Береславский становился после отбоя, в 22.00. По правилам лагеря вожатый мужского пола ночевал в спальне мальчиков, чтобы бдить круглосуточно. И как только выключался свет, кто-то из ребят просил Ефима что-нибудь рассказать. Старик Буссенар удерживал воображение две ночи, Джек Лондон – следующие три. Чаше же Ефим варганил невообразимую кашу из множества произведений разных авторов, стараясь приводить (или придумывать) ситуации, отдаленно похожие на реально прожитые днем.

Ребята слушали затаив дыхание, обещая жуткие кары тем, кто чихал или не мог сдерживать кашель. В начале второй недели Ефим рискнул пустить в бой «Преступление и наказание». Тема была родной, и действие сопровождалось искренними комментариями. Эффект был не вполне тот, на который рассчитывал вожатый, но ему казалось, что он все же сумел заронить сомнение в праве насилия одного человека над другим.

Когда же речь пошла о Сонечке Мармеладовой, то по внезапной ассоциации один из отрядных авторитетов объявил, что «Бочкину больше не трогаем». Береславский не ожидал столь прямого воздействия искусства. Но и не обольщался его долговечностью. Он просто делал все, что мог.

Вторым страшным орудием Ефима были ночные походы. Француз пуще всего пугал его половыми отношениями воспитанников.

– Лагерь живет два месяца, – объяснял он молодому вожатому. – Если они быстро споровятся, проблем будет выше крыши.

– А если споровятся перед отъездом, проблем не будет?

– Будут, но не наши! – отрезал ветеран.

Ефим решил половой вопрос просто и жестко. Он пудрил мозги бедным детям до двух часов ночи, после чего поднимал их встречать рассвет. Первые несколько ночей все шло на ура: гитара, костер, печеная картошка, страшные истории. Днем Береславский сдавал их физкультурнику и педагогам, а сам бессовестно дрых в комнате Француза. Дети же и после обеда не спали: считалось западло.

И очень скоро трудновоспитуемый народ стал сдавать. Честно говоря, даже железное здоровье Ефима слегка покачивалось. Что уж тут говорить про слабые подростковые организмы!

Но Ефиму-то было легче. Француз весьма одобрил его антисексуальную политику, и в последующем они чередовались на ночных вылазках.

Короче, где-то на исходе первой половины смены дети, с трудом дослушав очередную повесть (но не прервав ее!), сказали, что гулять сегодня уже как-то неохота...

Авторитет Береславского рос стремительно. Что было справедливо: он не жалел сирых. Он им сочувствовал и пытался восполнить дефицит того, чего они все были лишены: внимания. И они ценили это. Кстати, Ефим вынес из лагерной жизни еще одно наблюдение. Подростки, которых общество почти «списало», были в среднем более смелыми (что не удивительно) и более законопослушными (что очень удивило вожатого), чем домашние дети. Конечно, если называть законом ту дикую смесь «понятий» и суеверий, которые они свято чтили.

Но в природе закон сохранения – главный. Поэтому если у кого-то (Береславского) прибывало, то у кого-то (Атамана) – наоборот. Ведь пацан не силой подчинял окружающих, в том числе гораздо более старших и мощных. Он был умнее большинства и несравненно целеустремленнее. А Ефим своей дьявольской политикой «опустил» его.

Для кого-то это смешно, для кого-то – несерьезно. Но только не для мальчика, у которого из жизни забирали самое дорогое. Потому что другого у него просто не было.

И начались шекспировские страсти.

Береславский увидел Атамана плачущим. У него душа перевернулась. Снова всплыл пацан-зверек в порванной им, Ефимом, одежде. Кто он такой, чтобы вершить справедливость?

Ефим подошел к мальчишке, положил руку на плечо. И содрогнулся от холодной ненависти, шедшей из глаз ребенка.

– Уезжай, или убью, – прохрипел Атаман.

Береславский поверил. И устроил тайную вахту троих преданных пацанов. Тайную от всех, кроме Ефима. Они должны были подать знак, если кто-то (вожатый не выдал – кто) встанет ночью по каким-нибудь своим делам.

Конечно, вахтенный заснул. И Ефим перехватил финку буквально у самой своей шеи. Игрушки кончились. Песталоцци мог отдыхать.

Ефим не удержался и, легко выкрутив тонкую руку, врезал пару раз по морде. Атаман молчал. Вахтенные спали как сволочи. Вожатый отобрал финку и отпустил пацана.

– Все равно убью, – сквозь слезы прошептал Атаман. Но вот теперь Ефим был спокоен. Вряд ли.

* * *

А за неделю до конца смены пришли убивать Атамана. Чем щенок столь серьезно рассердил взрослых, двадцатилетних, уже отсидевших парней, никто так и не узнал. Они пришли ночью, протяжно свистнули. Атаман, видимо, был в курсе, потому что сразу встал и через окно бесшумно покинул комнату.

На этот раз вахтенные не подвели, и Ефим вышел тем же маршрутом. Он знал, где искать Атамана: агентурная разведка в отряде не оплачивалась, потому что работала из энтузиазма.

В укромном месте у озера (пяточок три на пять метров, закрытый высокими ивовыми кустами) шла разборка.

Ефим издали услышал феню и глухие удары. Тонкий голосок Атамана то в чем-то клялся, то молил, то угрожал. Когда вожатый выскочил на пяточок, Атамана всерьез собрались мочить. В свете луны, как в приключенческом фильме, сверкнул тесак. Все было

неестественно и фальшиво, точно как в плохом кино, только страх настоящий. Ефим набрал в грудь воздуха и атаковал подонков.

Потом, пока ждали «скорую», Атаман рассказал ему, как круто Ефим расправился с бандитами. Береславский не верил: суперменом он точно не был. А зря: все так и было. Страх за себя и мальчишку сотворил чудо: первый парень, с ножом, с одного удара был отправлен в глубокий нокаут. К сожалению, у второго тоже был нож, в результате чего Ефим поимел проникающее ранение правого легкого.

Атаман получил полную возможность смыться, но не воспользовался ею. И даже наоборот: вытащил из петли в брючине припасенный обрезок арматурины-двадцатки и очень сильно опустил его на голову второго бандита.

Интересная деталь: когда на крики мальчишки подоспел военный патруль, выискивавший самовольщиков с девицами, бандиты еще не очухались. У патруля – лейтенант да два курсантика со штык-ножами – не было рации, поэтому Атаман совершил второй подвиг: избитый и окровавленный, он с безумной скоростью пробежал километр до лагеря, откуда по телефону вызвал «скорую». После чего опять-таки не остался в медпункте зализывать раны, а вновь вернулся своим ходом к озеру.

* * *

Ефима на носилках несли в машину – она не смогла подъехать к воде. Атаман шел рядом, держа вожатого за руку.

– Не умрешь? – почему-то шепотом спросил он.

– Не должен, – подумав, ответил Ефим.

Носилки запихнули в длинную «Волгу».

– Атаман! – позвал Береславский из глубины.

Атаман просунул голову внутрь. Он плакал. Второй раз за месяц. А может, за жизнь.

– Не будь злым, Атаман, – попросил Ефим.

– Не буду, – пообещал Атаман.

Больше они не встретились.

* * *

«Ауди» степенно ползла в потоке машин, не пытаясь лавировать и обгонять. Ефим не спешил. Это был его стиль: сначала сделать, потом – обдумать. В зеркальце заднего обзора он разглядывал Атамана. Сколько ж ему? Лет 37–38. Такой же тщедушный и злощипый, как прежде. Только лицо морщинистое да редкие короткие волосы в седине.

Все в нем не удалось. Даже седина не благородная, а какая-то сивая. Что с ним теперь делать? Если б не мгновенно пронзившая сердце жалость – не к этому опустившемуся урке, а к тому одинокому пацану, – их сложно было бы представить вместе.

– Нагляделся? – зло спросил Атаман.

Тон ничего хорошего не предвещал, но Ефиму вдруг стало легче. Атаман никогда не был подарком. И тогда, и сейчас. Значит, судьба.

– Ты откуда такой красавец?

Атамана передернуло:

– Останови, я вылезу.

– Бедный, но гордый...

– Останови, сука!

Ефим ударил по тормозам, прижал машину к бордюру. Резко развернул, насколько позволяло спортивное сиденье, свое грузное тело.

– Меня нельзя так называть! Ты забыл?

– Ударишь инвалида?

– Легко! Ты такая же дрянь, как и в детстве.

– А что ты обо мне знаешь? – зашелся Атаман. – Ты вылечился и пошел в институт.

А я – в зону. С четырнадцати лет!

– Ты тоже мог в институт.

– Не мог! Там другие институты!

– В лагерь случайно не попадают.

– Вы суки! Все суки! Суки! – С ним случилась истерика. Он забился в судороге. Слезы потекли, почему-то из одного глаза. Сведенный рот полуоткрылся, оттуда исходило то ли шипение, то ли стон.

Ефим изловчился и с левой врезал старому другу по морде. Голова дернулась, глаза остекленели, но через несколько секунд приступ прошел и он начал приходить в себя.

– Успокоился? Я тебя в зону не загонял. Свинья грязь ищет сама.

– У нас на поселке подломили ларек. И порезали ларечника, – неожиданно спокойно сказал Атаман.

– Ну и что?

– Участковый пришел, спросил, когда у меня день рождения. Я еще удивился. Ты за меня на нож полез. Этот днем рождения интересуется. У меня мать и то не помнила.

– Ну и что?

– Исполнилось четырнадцать, и загребли. Надо же было по ларьку палку ставить. Ларечник меня опознал. Я, когда первый раз откинулся, пришел к нему. Он испугался, говорит, нажали.

– А ты что, не при делах был?

– Нет. Не был я у ларька. Меня вообще в поселке не было. Не веришь?

Возраст и жизненный опыт Ефима не позволяли верить уголовникам. Он внимательно посмотрел Атаману в лицо.

У Атамана от напряжения свело челюсти.

– Ты веришь? – Он облизал пересохшие губы.

– Не знаю. Похоже, верю... – задумчиво произнес Ефим. – А где ж ты был, когда ломали ларек?

– У тебя, – осипшим голосом сказал Атаман. – В больнице. Тебя выписывали...

Некоторое время они сидели молча.

– Тебя встречали родители. На белых «Жигулях». А до этого приезжала девчонка, совсем рыжая.

– Анька, – машинально подтвердил Ефим.

– А с самого утра приходил твой друг длинный, который к тебе в лагерь приезжал. А до того вечером – Француз...

– Ты что, всю ночь там околачивался?

– А куда ж мне было деться? Три часа до дома. Я в подвале спал.

– Что ж не подошел, почему потом не написал? Хоть кто-то тебя там видел, могли подтвердить.

– Я – волк, Ефим. Волкам адвокаты не нужны.

– Дурак ты, а не волк. – Береславский включил левый поворотник и въехал в поток. – Где ногу оставил?

– Там же, где и руку. На Северном Урале. Там и так холодно, а в горах особенно.

– Побег?

– Третий. Четыре ходки. Сейчас вышел. Справка есть. Что еще интересуется?

– Почему наколок нет?

– На той руке были, – усмехнулся Атаман. – Мне партаки ни к чему. Я и так в авторитете.

– А почему тогда на перекрестке стоишь?

– Слишком много спрашиваешь, – помрачнел Атаман.

– Ладно, отложим. Чем дальше займешься?

– Есть план, Ефим.

– Какой же?

Атаман молчал.

– Так какой же?

– Умирать собираюсь. Рак у меня. Потому и отпустили.

Глава 6

Вот я и в тюрьме. Лежу на нарах, как король на именинах. Кроме меня, тут таких королей трое. Воздух спертый, а запах – тюремный. Я в тюрьме в первый раз, но запах, понял сразу, – тюремный.

Плохо помню все, что было после стрельбы на Тополевой.

Омоны сначала меня крепко прижали. Потом разобрались, втихую снимали наручники, носили сигареты и еду. Потом привезли сюда.

Будущие соседи встретили индифферентно. Один поначалу гонорился. Но весть о моих подвигах разнеслась очень быстро, так что никаких притеснений я не почувствовал. Больше всего я сейчас себе напоминаю Леонова из «Джентльменов удачи»: «Пасть порву, моргалы выколю!»

Господи, попал в тюрьму, а такой веселый! У меня действительно отличное настроение. Мои дети и жена живы. Благодаря мне. Что ж мне, плакать, что ли?

Конечно, завтра мне будет хуже. А послезавтра – еще хуже. А уж как плохо мне будет через десять лет...

Что я леплю? Я не собираюсь сидеть десять лет! И Ефим не собирается работать без меня десять лет.

Давай, Ефим, давай! Ты – моя главная надежда!

Глава 7

- Не похож ты на умирающего, – задумчиво произнес Ефим, когда прошел первый шок.
- Справку показать? – снова выскочил Атаман.
- Я все равно не разберусь. Но на умирающего ты точно не похож. Я умирающих видел. Знаешь что, поедем к Сашке, моему бухгалтеру. У него жена – врач. И как раз по твоей части.
- Мне в больничке сказали, что полгода от силы.
- Где полгода, там и год. А где год, там и десять. – Ефим ни в грош не ставил лагерную медицину. Да, впрочем, и нелагерную тоже. Кроме того, он был фаталистом. С одной только добавочкой: прежде чем погибнуть по определению судьбы, предпочитал помахатьсь до упора. Жизненный опыт показал, что такая тактика иногда способна менять определения судьбы. – А даже если полгода, их все равно надо прожить. Перекресток – не дело.
- У меня своя голова есть.
- Я невысокого мнения о твоей голове, Атаман.

На этот раз Атаман стерпел молча. Его, конечно, бесили высокомерие и отстраненность Ефима. Еще с тех, пионерских, времен. За такой ответ другой и «перо» в живот мог схлопотать. Это случалось в богатой Атамановой биографии – своего рода плата за сохранность авторитета. Но Ефим – не другой. Он всегда говорит что хочет. И делает, как считает нужным. Он всегда адекватен, определил бы Атаман, если бы знал это слово. И место Атамана по сравнению с Ефимом – всегда второе.

А самое удивительное, что Атамана это никак не угнетало. После неудачного ночного визита с финкой он принимал все как должное. Вот и сейчас, неожиданно для себя, он смирился с тем, что его судьбой, может, впервые в жизни руководят другие.

* * *

Автомобиль свернул с шоссе во дворы и подъехал к отдельно стоящему старому девятиэтажному дому. Ефим намерился парковаться, как Атаман дернулся:

- Там менты!
- Где?

У подъезда стоял высокий парень в штатском. Метрах в двадцати, у угла дома, облокотился на стену второй. Оба внимательно осматривали приехавших.

Ефим вынужден был согласиться с Атаманом. На бандюков непохожи. А по деловитости и цепкости взгляда их сразу можно было отличить от праздношатающих. Да они и не маскировались.

- У тебя справка настоящая? – уточнил Береславский.
- Да.
- А чего дергаешься? Мы ж не убивать приехали.
- По привычке, – смутился Атаман. – Мне хоть с десятью настоящими лучше к ним не попадать.

Они вышли из машины и направились к подъезду. Плечистый преградил им дорогу:

- Вы к кому, граждане?
- А почему вас это интересует? – удивился Ефим.

Парень вынул удостоверение и, не выпуская из рук, показал. «Сергей Терентьев, младший лейтенант СОБР».

– Товарищ младший лейтенант! – выпрямляясь, отрапортовал Ефим. – Мы намерены посетить квартиру номер двадцать четыре с целью нанесения дружеского визита супружеской чете Орловых.

На номере квартиры собровец дернулся. Это насторожило Ефима, отбив всякую охоту развлекаться. Еще больше ему не понравилось, что прислушивавшийся к разговору второй мент сунул руку под куртку.

– Там что-то случилось?

Собровец, не отвечая, достал рацию.

– Товарищ капитан, здесь к Орловым. Двое. Один... – он раскрыл протянутый Ефимом паспорт, – Береславский Ефим Аркадьевич, прописан в Москве, Сивцев Вражек, тридцать восемь, квартира двадцать.

– Вы Орлову кто? – спросил он у Ефима, получив инструкции.

– Я ему директор, – начиная злиться, ответил Ефим. – Он что, банк ограбил?

Лейтенант, не отвечая, проверил справку Атамана. Продиктовал в рацию установочные данные. Потом проверил служебное удостоверение Ефима.

– Что вас связывает с гражданином Митрофановым?

– Мы вместе сидели в детской колонии, – не удержался Береславский. – Сегодня у нас вечер воспоминаний.

– Орлов тоже с вами сидел?

– Нет. Он сторожил. – Ефим нехотая вспомнил, что Сашка отслужил срочную в конвойных войсках. – В чем дело, можете объяснить?

Лейтенант, не удостоив ответом, бросил одно слово:

– Ждать.

Минут через пять, показавшихся Ефиму весьма долгими, рация снова пискнула, и лейтенант приложил ее к уху.

– Можете идти, – получив инструкции, сказал он.

«Что к чему?» – размышлял Ефим, поднимаясь на третий этаж. Все это не нравилось ему. Еще больше ему не понравились капли крови, то и дело попадавшие на лестнице. Последние ступеньки он одолел бегом.

Атаман не проронил ни слова.

Глава 8

Когда в дверь позвонили, у Лены душа ушла в пятки. Она из окна видела охрану у подъезда. И умом понимала, что, промахнувшись раз, убийцы не придут по второму заходу. Но быть такой же беспечной, как сутки назад, уже не могла.

Она осторожно подошла к двери, не забыв прихватить длинный тонкий нож, которым обычно разделывала мясо. Осторожно заглянула в глазок. Все обозреваемое пространство занимала круглая рожа Ефима, только на этот раз он был необычно серьезен.

Лена открыла дверь и – не успел Береславский войти – кинулась к нему.

– Ефимчик, милый! – плакала она. – Что здесь было!!!

Все, что она весь день скрывала, сейчас прорвалось. Ефим обнял теплые мягкие плечи, прижал ее к себе. Когда-то он обнимал ее по-другому. Но сейчас еще красивая женщина не вызывала никаких чувств, кроме острой жалости.

Вот так, уткнувшись ему в грудь, Лена сквозь всхлипы рассказала о происшедшем. Они так и стояли в коридоре: Лена – умостившаяся в кольцо его рук, Ефим – размышляющий о природе столь странного катаклизма.

– Где дети? – вдруг озарило его.

– У бабушки. Володя отвез на своей машине.

Володя – их водитель. А также друг и доверенное лицо. Вообще фирма наполовину состояла из родственников и друзей. Что, с одной стороны, облегчало администрирование, а с другой – перечеркивало все надежды на быстрое обогащение.

– Если это ошибка – второй раз не придут. Блатные пустышку по два раза не тянут.

– Это не блатные, – скрипуче произнес из-за Ефимовой спины Атаман.

Лена испуганно вскинула голову.

– Мой друг, – успокоил ее Ефим.

Она подозрительно смотрела на Атамана:

– Откуда вы?

– Из тюрьмы, – объяснил Береславский.

Лена вздрогнула и с тоской посмотрела на Ефима. В ее взоре прямо читалось: «Нам это надо?» После всего-то произошедшего!

– Это не твои проблемы. – Интонацией он попытался сгладить жесткость фразы. Но Лена, наоборот, успокоилась. Она часто слышала эту формулу и от Саши. Пусть грубоватую, но снимающую с нее какие-то, как правило, неприятные, хлопоты. – Он нам поможет. И Сашке тоже.

Они сели пить чай. Атаман, ловко управляясь одной рукой, поглощал бутерброды с домашним вареньем. Лена предложила спиртное. Ефим поспешно отказался: он не знал, каков Атаман пьяный, и судьбу искушать не хотел. Атаман понимающе улыбнулся.

Береславский и это отметил. Его бывший воспитанник, скитаясь по тюрьмам, мозги не прочифирил. Но насколько можно ему доверять? Теоретически – ни насколько. Но что-то мешало Ефиму считать его простым подонком.

Когда чашки опустели, Ефим затронул новую тему:

– Лена, ты можешь посмотреть... – И запнулся, вспоминая человеческое имя Атамана. Он видел документы пацана два раза, но о памяти Береславского недаром ходили легенды. – Владимира Федоровича?

Атаман даже ухо приподнял: нечасто его так называли. Да и не ожидал, что вожатый помнит такие подробности. Оттого, что не ожидал, – еще приятнее.

– А что беспокоит? – мгновенно перешла на профессиональный тон Лена.

– У него рак. Говорят, жить полгода. Но я не верю.

Лена аж вспыхнула от возмущения. За двадцать лет знакомства, иногда – близкого, она так и не смогла привыкнуть к манере общения Береславского.

– Ты идиот! Ни один диагноз не является окончательным!

– Я и говорю: не верю, – невозмутимо парировал Ефим. – А... Владимира Федоровича, прошедшего в тюрьме... Сколько лет? – обратился он к Атаману.

– Семнадцать, – отрывисто ответил Атаман. Ему тоже не нравился механизм его представления. Хотя он и понимал, зачем это делается: чтоб женщина быстрее адаптировалась к присутствию страшного уголовника.

– Так вот, Владимира Федоровича, прошедшего в тюрьме семнадцать лет, чем-либо сильно напугать сложно.

– Все равно так нельзя.

Но внимание Лены уже было профессионально направлено на пациента.

Они вышли в другую комнату, прикрыв дверь на кухню. Ефим поймал себя на мысли, что не прислушивается к звукам из-за двери. Теперь он почему-то был уверен в благонадежности Атамана. Как тогда, после ночного визита с финкой. До него – был уверен, что придет. После – что опасность миновала. Но все-таки молодец Ленка! Если доверяет, то полностью. Без вопросов и сантиментов.

Через полчаса они вернулись. Вид у Атамана был растерянный и смущенный. Да и Лена была в растерянности.

– Похоже, ты был прав, – выдавила из себя доктор.

– Да ну? – не удивился Ефим. – Опухоли пропали?

– Нет, не пропали. Но в выписке про метастазы внутренних органов вообще ничего не сказано. Судя по анамнезу и локализации, это либо лимфосаркома, либо вообще доброкачественные новообразования. Первое – опаснее, но тоже, как правило, не фатально.

– То есть жить ему не шесть месяцев, а побольше?

– Безусловно, – улыбнулась Лена. – Хотя, конечно, точный диагноз будет только после исследования пунктата. Но это – в стационаре. Вам делали гистологические исследования после первой операции? – обратилась она к пациенту.

– Ничего мне не делали. Вырезали в больничке лагпункта первую шишку. Потом вторую. А потом их сразу четыре выскочило. Тут подоспела комиссия по освобождению – зоны чистили. Мне сказали, что долго не протяну, да еще инвалид первой группы – и за колючку. А рентгена там не было.

– Вот проходимец! – захохотал Ефим. – Даже смерть на тебя работает! – Он был уверен в чем-то подобном с самого начала.

Он вообще смерть чуял. Ефим тщательно скрывал некоторые свои способности, но близкие знали его умение снимать головные и радикулитные боли, успокаивать без психотропных средств. И все равно убедиться в том, что вновь найденный Атаман завтра не превратится в надпись на кресте, было чертовски приятно.

– Ну ладно, ребята. Живы будем – не помрем, – подытожил Ефим. – Пора и нашим сидельцем заняться. – И, обращаясь к Лене, добавил: – Атаман остается с тобой.

Лена открыла рот возразить, но, встретив взгляд Ефима, осеклась. В отсутствие Саши – он главный. Не может быть, чтобы Ефим не знал, что делает.

Зато Атаман был в ярости. Зачем ему это? И почему кто-то решает за него? Тем более теперь, когда ему надо обдумать новую жизнь!

* * *

Они стояли с Атаманом у подъезда и курили. Точнее, только Ефим стоял, а Атаман, невзирая на протез, сидел на корточках в экономной зэковской позе. Собровцы, правда, уже новые, с изумлением за ними наблюдали.

– Чего ты там вякнул про блатных? – спросил Ефим.

– Что? – не въехал Атаман.

– Ты сказал, что налет произвели не блатные.

– Конечно, не блатные. Ничего не взяли, разбрелись по комнатам футбол смотреть.

Женщину изнасиловали.

– А уголовник и птички не обидит?

– Ты меня достал уже!

– А как ты меня достал... С детства. Ты думаешь, я забыл, как полдня босиком лагерь смешил?

Теперь улыбнулся Атаман. Как давно это было...

– Но если не блатные, то кто? – Ефима Атаманова реплика сильно волновала.

– А мало, что ли, их? Менты бывшие. Кагэбэшники. А может, и не бывшие.

– С серийными убийствами?

– Кто из нас на воле был? – усмехнулся Атаман. – Ты или я? Газет совсем не читаешь?

То одни мочат других, то наоборот. Но приходили спецы.

– Крутые спецы. Мой бухгалтер Сашка всех уложил.

– На безрыбье и раком встанешь. Все бывает, Ефим.

– Ладно. Ты меня расстраиваешь. Не хотелось бы связываться с государевыми людьми.

– Да у вас сейчас все государевы. И государей до черта.

– Ты стал стратегом. Вот что... Будешь работать на меня, – объявил Ефим.

– С какого рожна?

– Потому что так я сказал.

– Не много на себя берешь?

– Нормально.

– А если откажусь?

– Не откажешься.

– С чего ты такой уверенный? – взвился Атаман. Он даже на ноги очень ловко поднялся.

Собровцы не могли слышать разговор, но напряглись.

– С того, дружок (Ефим всегда его в лагере так называл: одновременно и с издевкой, и с симпатией, что злило и притягивало пацана безмерно), что в этом подлунном мире ты, кроме меня, похоже, абсолютно никому не нужен.

Крыть было нечем.

Глава 9

Андрей Беланов сидел на стуле за обшарпанным столом и ждал, пока закипит на старой двухконфорочной плите чайник. Однокомнатная квартирка была неважная. Андрей сюда даже случайных подруг не водил.

И правильно. Работа – это работа. А для работы такая квартира в хрущевской пятиэтажке – в самый раз. Никаких тебе консьержек на входе, ни шансов случайно столкнуться с охраной какой-нибудь новоявленной шишки. Или с наружным наблюдением за этой шишкой, что часто бывает. Современная история Российского государства изобилует примерами как стремительного возвеличивания, так и еще более крутого падения.

Нет, Андрей полностью согласен с мнением, что надо быть скромнее. Особенно при его профессии.

Кстати, на вопрос, кто он по профессии, Беланов не смог бы честно ответить, даже если бы захотел. В трудовой книжке записано, что он заместитель директора банка по общим вопросам. Однако в банке Андрей был всего лишь раз, когда оформлял контракт.

Все остальное время он проводил либо в офисе фонда с хитрым названием (так и не запомнил, хотя мимо латунной вывески ходил чуть ли не каждый день), либо в одной из двух квартир, которые снимал у людей, надолго покидавших Москву.

Квартиры раз в два или три месяца менялись, но у них было общее свойство: расположены в непрестижных домах и недалеко от метро. Многие визитеры приезжали на общественном транспорте, и это было актуально. Для тех же, кто прибывал на встречу в личном авто, было другое правило. Они оставляли тачку на заранее указанном месте, не ближе чем в пяти – семи минутах быстрого хода от конспиративной квартиры.

Разумеется, никогда и ни при каких обстоятельствах гости Беланова не пересекались. А адрес никогда не назывался по телефону. Только при личном контакте.

Задачи Андрею ставились различные: от рутинного сбора компромата до острых операций. Первое было более безопасным, хотя и здесь можно было сорваться. Чаще он не знал людей, которым готовил ловушки. Но иногда вырисовывались знакомые по газетам и телевидению лица.

За прошедшие три года Андрей в совершенстве изучил устройство полусотни московских саун. И, даже бывая там со своими подругами, мысленно расставлял видеокамеры и микрофоны. Одна точка – к бассейну. Одна или две в обязательный атрибут таких заведений – комнату отдыха. И никогда – в собственно горячее помещение.

В начале карьеры он не понимал столь очевидных вещей и однажды, с большим трудом установив аппаратуру, получил десять минут совершенно рекламного фильма. Причем рекламы социальной: о правильном и здоровом образе жизни. Как оказалось, в «печку» даже отъявленные любители «клубнички» ходили исключительно прогреться. Зато аппаратура вышла из строя как раз через десять минут. А она, хоть фирма средств и не жалеет, ощутимо дорогая. Оборудование каждой точки стоит дороже, чем снять квартиру на год. Забрать же ее после операции удастся не всегда. Однажды Андрея за этим занятием поймали. И не где-нибудь, а в сауне подмосковного авторитета. И спецподготовка не помогла: дали по голове дубинкой, скрутили и отволокли к боссу в отдельный кабинет кабака, расположенного неподалеку.

Беланова выручила цепь случайностей, счастливых совпадений, которые он, впрочем, не полагаясь на провидение, отчасти подготовил сам.

Документы при нем были без фотографии. Удостоверение на чужое имя: электрик в автосервисе, участок установки сигнализаций. Без фотографии – если заметут официальные органы, можно сказать, что нашел.

Не слишком дорогая видеокамера была потертая, с царапинами на корпусе. Андрей сам царапал новый корпус, не зная для чего. Просто если новая – пусть другие думают, что использованная. Правду должен во всех случаях знать только он.

– Что хотел узнать? Спрашивай, отвечу, – широко улыбался авторитет. Остальные тоже разувлыбались, предчувствуя зрелище.

– Заснять хотел, – виноватился Андрей. Никогда не надо врать, если правда уже вскрылась.

– Меня?

– Нет. Других. Девочек. – Это тоже была почти правда. Хозяев Беланова интересовали и гости авторитета (а не он сам), и обслуживающие их девушки, которые в нужный момент могли стать самым ценным вещдоком.

– Кто тебя нанял? – перестал улыбаться авторитет.

И тут Андрея осенило. Не зря он перед каждой операцией изучал досье от корки до корки. Информации лишней не бывает!

– Супруга ваша, Софья!

Софья не была женой авторитета, но информация о безмерной ревности бандитской подружки в досье имелась.

Авторитет всплеснул руками и заразительно захохотал.

– Ну, Сонька! Ну, дает! А еще она тебе чего поручила?

– Ничего больше, – изображал из себя Ваньку Жукова Андрей. – Она грустная была. Говорила, шубу-то купил, а сам, может, с девками парится. Говорила, хочет убедиться, что там не бывает Верка.

Все пригодилось Беланову. Даже информация о покупке шубы сожительнице (сообщение от наружного наблюдения). Даже имя бывшей пассии бандита. Лишней информации не бывает!

Авторитет наконец отсмеялся.

– Где она тебя нашла, недоумка?

– В автосервисе. – Опять в цвет: было в досье – отремонтировала дама сигнализацию на «шевроле». – Я разбираюсь немного в этом. Я ж не знал, куда иду.

– А надо знать, – уже серьезно сказал бандит. – Сколько Сонька тебе заплатила?

– Двести долларов. И за камеру компенсацию, если пропадет. Я отдам деньги!

– Состоятельная, стерва! – Авторитет не слышал его причитаний. – Частных сыщиков нанимает!

И, уже обращаясь к своим громилам, приказал:

– Выдайте ему на двести долларов без сдачи!

Его в четыре руки выволокли на улицу и прямо перед входом в кафе крепко отлупили. Андрей сгруппировался, чтобы не получить серьезных травм, имитируя боль и полное раскаяние. Краем глаза отметил, что милицейский патруль, заметив и классифицировав избиение, поспешил отойти в сторону.

Если бы Беланов захотел, он уделал бы обоих «быков». Но это было бы непрофессионально и несвойственно тихому электрику из автосервиса. Потому – дотерпел и, поднявшись после последнего пинка, под хохот уставших парней быстро улепетнул в темноту.

* * *

Чайник наконец вскипел. Андрей налил почти до краев щербатую хозяйскую чашку, положил в нее пакетик «дилмы». Про себя усмехнулся: действует-таки реклама! В киоске было около десяти сортов. Неосознанно выбрал этот. И сразу вспомнил соответствующую рекламную телеисторию. Все-таки давят они, гады, на мозги!

От этой мысли неприятность предстоящей операции чуть скрасилась. Одно гнездо захватчиков подсознания будет им обезглавлено.

Хотя, по большому счету, Беланову без разницы, кого обезглавливать. Ему по душе две вещи. Хорошие деньги: а две с половиной тысячи «зеленых» в месяц – очень хорошие деньги! Смешно сравнивать с прежней, «конторской», зарплатой, хоть как оперативник он и там был на хорошем счету. И – почти не ограниченная, пусть и тайная, власть! За тем и в «контору» пошел. Но там был только привкус власти, его имидж. И то – в глазах непосвященных окружающих. А так, сделаешь что-нибудь реальное – потом век не отпишешься! Даже если жизнь спасал.

Беланов работал в отделе, надзирающем за коллегами из МВД. И очень хорошо видел, что ничего из поставленных задач по борьбе с оргпреступностью выполнить обычными средствами нельзя. Ведь не только из-за денег уходили годами проверенные кадры. Прежде всего из-за этого ощущения. Ничего сделать нельзя. Жизнь потерять – можно. Вылететь с потерей и без того мизерной пенсии – можно. А победить – нельзя. Но что же это за спорт, в котором исключена победа?

Андрею более импонировали методы противника. Авторитеты делали что хотели. Задумывали и за неделю проводили операции, на согласование которых у Беланова жизни бы не хватило. А если бы и хватило – планы операции давно бы лежали в сейфах противника. А острые акции? Бандит знает, кто ему опасен, и устраняет его. Здесь ты знаешь, кто зверски убил твоего сотрудника, он смеется тебе в лицо на допросе и предлагает доказать. И адвокат его понимающе улыбается. А доказать нельзя, потому что оба свидетеля тоже убиты. И тоже без каких-либо, кстати говоря, согласований.

Собственно, с того и началось. Гришку убили в марте 97-го. Он по заданию Беланова интересовался связями одного из авторитетов с довольно важным лицом из МВД. Гриша не просто подчиненный. На два года младше Андрея, он учился в том же институте. Три года они делили комнату в общежитии. Потом, после ухода в «контору», Беланов вытащил Гришку к себе. И ни разу за десять лет службы об этом не пожалел.

Андрей и сейчас уверен, что Гришку вычислили по сообщению бандитского «крота». И убили не просто так, а показательно: в присутствии еще двух бандитов, которые потом разнесли убедительные подробности по криминальным массам. Разнесли – и умерли, выполнив свое предназначение. Все продумано.

И вот Беланов, зная, кто убийца друга, на допросе слышал только радостный смех. Не пойман – не вор. И лично подписал бумагу об освобождении.

«Понял наконец», – читалось во взгляде освобождаемого. Действительно понял.

Авторитет доехал на джипе с охраной до дома. Там немного расслабился, отпустил охрану. Принял на грудь, отметил возвращение любовью с женой. Расслабленный, вышел на лоджию покурить. И... не вернулся!

Его хватились часа через три, когда жена, проснувшись, не обнаружила супруга рядом.

Примерно в это же время Андрей выкладывал дерном яму, в которую закопал авторитета. На начальной стадии ему помогали двое, но заканчивал он лично. Уже около ямы, оставшись наедине, зачитал приговор. С удовлетворением заглянул в обезумевшие от страха глаза. Следа не осталось от прежнего хозяина жизни! Потом – все как с Гришкой: не вынимая кляпа и не развязывая рук – три удара ножом в живот. И еще живого – в яму.

И никаких угрызений.

* * *

Воспоминания и сейчас доставили Беланову удовольствие. Гришка отмщен. А он, послужив еще около полугода, принял одно из предложений, которых всегда хватало. Рабо-

тодателя знал давно: из одного гнезда. Только тот раньше занимался идеологией и, похоже, профиль не менял.

Теперь Андрей был в своей стихии. Никаких длинных согласований. Никаких проблем с финансированием. Задания конкретны и четки. Семьи у Андрея нет, но, в случае чего, его старенькой маме не придется побираться: фирма строго блюла свое лицо.

Единственно, что не нравилось: как и раньше, приходилось работать на кого-то. А Андрей хотел на себя. И это время – Беланов уверен – еще настанет.

* * *

В дверь постучали. Соседей стуком не удивишь: звонок вырван с корнем. Андрей взглянул на включенный микромонитор. Камера, замаскированная под дверной глазок, показала дурацкую рожу Петруччо. Босс пригородной «бригады». Из двух или трех таких же придурков. Он вздохнул: с каким дерьмом приходится работать! Издержки профессии.

– Садись, Петруччо! – Андрей, открыв дверь, хозяйским жестом пригласил гостя к столу. – Чайку будешь?

– Нет, спасибо, – запинаясь, ответил вассал.

– Вот адресок, – передал он отпечатанный на компьютере листок. Стандартная бумага, стандартный принтер. – Там жил не бедный человек. Все, что найдете, ваше.

– А где он сейчас?

– Сидит, – сказал Андрей и прикусил язык. Каждый должен знать то, что должен. – Там немало чего осталось.

Свинячьи глазки Петруччо загорелись.

– Квартира пустая?

– А Бог его знает. Может, баба его. И дети.

Немой вопрос застыл в глазах Петруччо.

– Это не мои дети, – раздраженно сказал Андрей. Он не любил прямых указаний даже в таком месте. – Это твои свидетели.

– Может, когда их нет? – размышлял Петруччо.

– Ты представляешь, как тот фрайер заховал лавэ? Сам найдешь?

Петруччо в затруднении почесал затылок. Не найдет. А мать при детях всегда покажет. А там посмотрим.

– Понял, командир.

Беланова передернуло. Он бы застрелился, если б у него был такой подчиненный. А с другой стороны, кто же ему Петруччо? Но это были неприятные мысли, и Андрей задвинул их в самую глубь сознания.

– Пойдете туда послезавтра.

– Чего тянуть?

– Сказал – выполняй.

Не объяснять же пригородному придурку, что там сейчас дежурит СОБР!

Больше говорить было не о чем. Рожа Петруччо выражала рабскую покорность. Он страшно боялся Андрея. Это делало его удобным и опасным одновременно. Ведь когда кто-то напугает его сильнее, он продаст прежнего хозяина с потрохами. Но Беланов и не думал дружить с ним вечно. Придет срок, и какой-нибудь работник фирмы, еще не покинувший соответствующий орган правопорядка, раскроет пару преступлений Петруччо, а сам он погибнет при задержании. Нечего было, дураку, отстреливаться. И народ, прочитав об этом в газете, вздохнет спокойнее.

После ухода Петруччо настроение Андрея упало. Он не признавался в этом даже себе, но ему не хотелось быть на одном поле с этими ягодами. Он сделал свой выбор, но не все, кого он уважал, пошли по похожему пути. Далеко не все.

Большая часть офицеров остались со своими нищенскими зарплатами и делали свое дело. Им мешали, дела рассыпались, в них стреляли, а они делали свое дело.

И если до конца честно, то тринадцать лет назад он пришел в «контору» не только за властью и деньгами. Эти «параметры» были особенно упоительны именно потому, что они доставались за... сейчас бы сказали, богоугодное дело.

Эти размышления мешали Беланову. Он гнал их, но они возвращались. Андрей вздохнул и усилием воли выбросил глупости из головы. Тем более что пришел новый посетитель, и с ним в отличие от Петруччо надо быть настороже. По полной форме.

А пришел Михаил Федорович Федотов. Кличка – Псих. Он и есть псих. Дел с ним стараются не иметь, но задевать его или отказать в просьбе мало кто рискнет.

Псих – старая связь Андрея. Кличку получил за историю, случившуюся еще в 80-х. Сам – из ближнего Подмосковья. Работал механиком вагона-рефрижератора. А его супруга делила постель с начальником местного РОВД. Псих, тогда еще Михаил Федорович, узнав об этом, пришел к нему на прием. С пустяковой в общем-то просьбой: никогда больше к его супруге не лезть. Ни парткомом не грозил, ни чем еще. А начальник повел себя неверно: начал пугать, угрожал засадить.

– Сейчас я покажу тебе фокус, – спокойно сказал Псих (фразу потом долго обсасывали на зонах). И показал. Достал гранату-«лимонку», тогда очень большую редкость. Снял чеку и крутанул ее по полированному столу начальника. Оба тупо наблюдали за ее вращением. Один – с усмешкой, другой – оцепенев от ужаса. Граната все-таки взорвалась не на столе, а на полу к полу. Оба пострадали, оба – не насмерть.

На зоне надлом, случившийся в его психике, лишь усилился. Отсутствие нормального инстинкта самосохранения делало невозможным деловые отношения с этим человеком. Он не понимал и не признавал никаких понятий. В заключении совершил еще убийство (а по неофициальным данным Андрея – три). Выйдя на свободу, оказался не у дел.

Андрей вцепился в него как стержневик. Это был готовый ликвидатор. И стреноженный по полной форме. Первое – Андрей щедро платил. Второе – Псих его смертельно боялся. Не лично за себя, понятно. Андрей сумел найти «окно уязвимости» человека, патологически не испытывавшего страха. Оно оказалось примитивно обычным. У его грешной супруги родилась после всех событий дочка. Псих знал: не его. Что не мешало ему любить маленького человечка всем тем нормальным, что еще оставалось в его искалеченной душе.

Он любил девчонку, будучи за колючкой, любил ее, выйдя на волю. Мамаша не препятствовала денежным переводам и встречам. Девочка тоже распознала за странной внешностью любящую душу.

Теперь Ларисе было лет десять, и, несмотря на маму-алкоголичку, девочка выглядела отлично: денег Психа (Андрея? Фирмы?) хватало и на частный лицей-пансион, и на одежду, и на будущее маленько откладывалось.

Вот такой нестандартный человек открывал сейчас дверь квартирки Андрея.

– Здравствуйте, Николай Петрович! – радостно приветствовал гостя Андрей. Психа звали Михаил Федорович, но даже в надежной квартире, не говоря уж о телефоне, Андрей называл его иначе. Не важно как, оба прекрасно знали голоса друг друга.

Псих скривился и не ответил. Он ненавидел Андрея. Если бы не дочь, давно бы его убил. Но он всем своим нутром чувствовал сталь крючка, на котором сидел.

– Во-первых, ваша зарплата за прошлый и будущий месяцы. – Андрей передал рублевый эквивалент пятисот баксов.

Псих взял пакет.

– Во-вторых, гонорар за прошлую услугу.

Во втором пакете были настоящие «зеленые», причем в двадцать раз больше. Псих убил мелкого чиновника, который своей жадностью мешал прохождению оперативной комбинации фирмы.

– У меня еще одна просьба, – продолжил Андрей. – В «Матросской тишине» сидит очень неприятный тип. Он уже убил пятерых. У вас ведь хорошие связи. Хотелось бы его нейтрализовать.

– Мне сесть в тюрьму? – улыбнулся Псих. Первые слова за время встречи. Нормальная речь, нормальная мимика. Но любой психиатр со стажем, лишь раз заглянув ему в глаза, рекомендовал бы изолировать этого человека.

Андрей в жизни разбирался. И в душах тоже. «Со смертью играю, – подумал он. – Хоть и жалко расставаться с таким инструментом, а все же надо. Отработает еще разок – и до свидания. Кстати, сэкономлю на гонораре».

Его новая фирма, надо отдать должное, никогда не мелочилась. С Андрея не требовали ни кассовых книг, ни расписок – только конечный результат. Хороший принцип организации хорошей работы.

А Психа Андрей не боялся. В его профессии всегда так: или ты его, или он тебя. Просто надо быть уверенным в себе.

– Нет, конечно. Нельзя вам, Николай Петрович, в тюрьму. Вы для меня слишком ценны. Вы уж подумайте сами. Может, Орлов Александр Петрович в чем-то виноват перед обществом? Вот, посмотрите на его прошлое. – Он передал Психу папку. – А может, уже там кого-то обидит. Даже по незнанию, скажем. Вы меня понимаете?

Псих кивнул.

– Ну и отлично. Вот аванс. – Еще три тысячи перекочевали в наплечную сумку Психа. – Если понадобится что-то на помощников, вы знаете, как меня найти. Можете платить из своих, мы восполним. Кстати, он сейчас в маленькой камере, а будет в общей, в которой вы сидели. Сейчас там есть и ваши знакомые. – Номер Андрей не произнес вслух по привычке. Если можно не произносить, лучше не произносить. К встрече он, как всегда, подготовился основательно.

– Кто?

– Варан. Записку передайте через его жену. Она через пару часов поедет с передачей. Ее не обыщут.

Псих повернулся к выходу. Но Андрей остановил его.

– Одну секунду, Николай Петрович! Ваша девочка, – Псих вздрогнул, – просто чудо. Но растеряха. Передайте ей при встрече, пожалуйста. – Он протянул крохотный сверточек. В нем лежали девчоночий носовой платочек и трусики, странным образом исчезнувшие день назад из шкафчика девочки.

Псих скрипнул зубами, схватил сверток и вышел, хлопнув дверью.

Андрей расслабился. Пока что он в безопасности. Хотя держать охрану в пансионе накладно, но жизнь Андрея того стоит. Опять же, накладно для фирмы, а не для него лично. Кстати, охраняют не только дочь Психа, но и полдюжину детей сотрудников фирмы. «А может, с той же целью?» – вдруг пришла свежая мысль. Пришла и ушла. У Андрея семьи нет.

Он подошел к окну. Утро еще не кончилось. Кто рано встает, тому Бог дает, говорила бабушка. Многое нужно еще успеть.

Глава 10

Береславский ушел от Лены, еще четко не представляя, что будет делать дальше. Определился уже в машине.

Перво-наперво – безопасность Сашки. Его служба в конвойных войсках могла принести в камере крупные неприятности. Остальное – потом. Первое из остального – обдумать, почему это все с ними приключилось (Ефим не разделял Сашкины и свои проблемы). Но пока – вопросы безопасности Орлова в СИЗО.

Ефим считал себя обстоятельным человеком и поэтому решил подстелить соломки со всех сторон.

Первый звонок – официальному лицу. Для всех генерал Иванов был важной шишкой из МВД. Но не для Ефима, который запускал с Юркой Ивановым змея, пек на костре картошку и играл в школьном вокально-инструментальном ансамбле «Дети эпохи». Очень удачно для Сашки.

Юра уже был дома и звонку Ефима искренне обрадовался. Ефим не стал мять телефон подобными проблемами, и еще через полчаса они сидели в кофейне в пяти минутах ходьбы от Юриного дома. В квартиру идти не захотели: Юрина супруга Ирина не без оснований полагала, что от общения с Ефимом ее мужу легче жить не станет.

– Что стряслось, старик? – спросил Юрик. Он совсем не был похож на генерала: толстенный, круглые щечки, курносый нос.

– Сашка Орлов в тюрьме.

– За что? – нахмурился Иванов. Он знал Сашу по Ефимовым дням рождения.

– На его квартиру был налет. Сашка убил пятерых.

– Четверых, – уточнил генерал. – Я видел сводку. Но мне и в голову не пришло, что это тот Орлов.

– Почему четверых? Лена сказала, что пятерых. Четверых дома и главаря по месту работы.

– Потому что четверых. Один в больнице. Давай конкретно: чего ты хочешь?

– Чтоб его выпустили и дали Героя России.

– Смешно, но не ко времени.

– А чего ты спрашиваешь? Я, что ли, мент?

– Фим, я милиционер, а не генеральный прокурор.

– Понимаю. Иначе б ты меня в сауне принимал.

– Фим, шутки дурацкие. Его не отмазать. То, что он дома натворил, куда ни шло. Но что на выезде войну устроил – просто так не пройдет. У него, кстати, еще гранату изъяли.

– Меня сейчас больше волнует, как он переживет СИЗО.

– А почему такие опасения?

– Он срочную отслужил в конвойных войсках.

– Это хуже. – Юрий достал мобильный телефон и начал набирать номер. Ефим деликатно вышел на улицу покурить.

* * *

– Все, за это можешь не волноваться, – успокоил его по возвращении генерал. – Но боюсь, что до суда больше ничем помочь не смогу. Здесь адвокат хороший нужен. После суда – отдельный разговор. Все сидят по-разному.

– С тобой приятно иметь дело, – повеселел Ефим. – А уж если меня посадят, то могу себе представить...

– Только приговор на руки получи, – заржал Юрий. – Будет тебе и телевизор, и мобильник.

– Мне бы лучше компьютер и девочек, – вздохнул Ефим.

На том и расстались. Генерал пошел домой, а Ефим помчался за город. Стелить солому с другой стороны.

* * *

30 лет назад

Ефим давно мечтал об авиамodelьном кружке. У него была целая авиационная библиотека: воспоминания летчиков и конструкторов, научно-популярная литература. Он просто бредил небом. Хотя и отдавал себе отчет в неисполнимости мечтаний. С его-то зрением и за автомобильные права еще придется побороться. Так что какое уж тут небо!

Но ведь мечта на то и мечта, чтобы подниматься выше жизненных ограничений.

И сегодня день был особый. Ефим первый раз шел в авиамodelьный кружок. Уже два года он отстаивал свое право на мечту. Пусть даже на ее первый этап. Сначала он долго болел, и приходилось напрягаться в обычной школе. Потом мама отказалась его водить, мотивируя нехваткой времени. Но Ефим знал истинную причину.

Дурная компания – вот был основной аргумент, употребляемый мамой в ссорах с папой, который сына поддерживал. И в самом деле, основной контингент моделистов составляли воспитанники 56-го, печально известного в их городе (один из городов-спутников столицы, куда переехали родители Ефима) профессионально-технического училища. Парни из «шараги», как оно называлось в народе, не зря пользовались авторитетом. Заслуженным, хотя и сомнительным. Без них в городе не обходилась ни одна мало-мальски приличная драка.

– Он должен уметь жить в любых компаниях, – убеждал папа.

– Он слишком тяжело мне достался, – оправдывалась мама.

Оба были правы.

* * *

Дискуссия завершилась сама собой, когда Ефиму исполнилось двенадцать лет. То есть сегодня. Он оставил на столе записку (где находится и когда вернется – обязательный атрибут внутрисемейных отношений) и пошел к автобусной остановке. Отныне он достаточно самостоятелен, чтобы между ним и его мечтой не становился никто, пусть даже из самых близких людей.

Кружок встретил его гомоном полутора десятков мальчишеских глоток. Это были завсегдагаи. Они приходили раньше и уходили позже всех. Основной возраст – тринадцать – семнадцать лет. Еще крутилась стайка более мелких пацанов, которые начинали с клейки бумажных ракет и, как правило, не выдерживали больше двух-трех месяцев кропотливого и внимательного труда.

Структурировал этот бедлам Володя, человек неопределенного возраста с нездоровым цветом лица. («Сжег себе желудок», – объясняли новичкам аборигены. Подразумевалось, что произошло это трагическое событие на секретном космодроме.)

Володю отличала искренняя любовь к пацанам и всему, что летает.

– Будешь клеить ракету, – сказал он Ефиму, записав его в свой кондуит.

– Не буду.

Привычный рабочий шум сразу стих. Володе здесь возражать было не принято.

– Почему? – К удивлению пацанов, Володя не раскричался, как это с ним частенько бывало («Нервы», – оправдывали шефа в таких случаях пацаны).

– Я хочу строить самолет, – объяснил Ефим.

– Какой? – На полках лежала масса журналов с подробными чертежами.

– Вот. – Ефим развернул чертеж. Сердце замерло. Первый эскиз он создавал в больнице, где очень тяжело перенес менингит. Более подробные чертежи сделал после изучения книги «Учимся летать», которую сочувствующий отец выписал ему по почте.

Володя внимательнейшим образом изучил неумелые линии.

– Значит, если я предложу тебе что-то другое, ты откажешься?

– Не знаю. – Ефим опустил глаза. Он и в самом деле не знал. Но его самолет прямо просился в небо. Летящий, он часто снился мальчишке. Единственное, что не вытанцовывалось, так это название.

«Ту» – Туполев, «Як» – Яковлев, «Ил» – Ильюшин. А вот «Бе» – вовсе не Береславский, а Бериев, талантливейший конструктор гидросамолетов. Аббревиатура от «Ефим Береславский» получалась вообще неудобопроизносимой. Да, было отчего задуматься...

Володя поразмышлял еще немного и, отодвинув чертеж к Ефиму, подытожил:

– Действуй.

Легко сказать! Дерево есть, бумага и ткань есть, инструменты стоят. Но непонятно, с чего начать.

К нему подошел строгий черноволосый парень, Максим Флеров, всего лишь года на два старше:

– Ты умеешь строгать, паять, точить?

– Не знаю, не пробовал, – высказался за Ефима из угла толстый Сережка Чеботарь. Все заржали. Ефим тоже. И в самом деле смешно. Только в анекдоте спрашивали, умеешь ли ты играть на скрипке.

Флеров, не обращая внимания на шутки, помог сделать Ефиму эскизы детализировки и разбить работу на технологические этапы.

– Теперь сам, – сказал он. И посоветовал: – Лучше начать с нервюр⁴.

Четыре рабочих часа пролетели незаметно. Многие подходили, подсказывали. Ефим сам спрашивал у Флерова и Володи. К концу занятия пакет фанерных нервюр, обточенных (пусть и не идеально) в соответствии с выданным Володей профилем, уже лежал на верстаке. Все шло хорошо. Похоже, новенького приняли. Лишь один эпизод был... не то чтобы неприятный, но...

Семенов подошел к нему и своеобразно указал на неправильную заточку скальпеля:

– Ты делаешь как-то по-еврейски!

– Я по-другому не могу, – признался Ефим. – У меня и папа еврей, и мама еврейка.

* * *

Тут надо сказать, что антисемитизм не шибко отравлял молодую Ефимову жизнь. Он довольно поздно узнал о своем отличии от других, и это его особо не трогало, так же, как и его товарищей. Но время от времени происходили шокирующие события. Однажды он слегка подрался с Колькой Архиповым, пацаном из их класса. Подрался во дворе дома. Событие не было исключительным: они с Колькой дрались и мирились по три раза на дню. Но вдруг из окна четвертого этажа вылез по пояс Колькин отец и – на всю улицу! – начал учить Кольку никогда больше не связываться с этим подлым жиденышем!

---

⁴ Нервюра – силовой элемент крыла, определяющий его аэродинамические качества.

С Колькой они помирились через двадцать минут. Но осталось большое недоумение: что же он такого сделал Колькиному отцу?

Позже это печальное – не только для евреев! – явление еще не раз коснется Ефима. Но, пожалуй, уже не будет задевать так больно и обидно...

* * *

Ефим второй раз за вечер заставил застыть кружковскую жизнь. Авиамodelьное сообщество задумалось. И пришло к единственно разумному выводу: парень не виноват. Один – хромой. Другой – рыжий. Третий – еврей. Судьба!

Тут в комнату зашел Володя, и колесо снова закрутилось. Потом он ушел совсем, оставив старостой Флерова, кстати, далеко не самого старшего по возрасту.

А потом начался собственно «прием».

Когда младшие ушли, Ефиму дали в руки веник и велели подмести пол. Это справедливо, рассудил Ефим и принялся за дело. Он аккуратнейшим образом подмел опилки и обрезки. Но Чеботарь взял щетку-сметку и еще раз прошелся по поверхности стола.

Ефим снова подмел.

Но Чеботарь взял щетку-сметку... А поскольку крошек и опилок почти не осталось, он еще порвал ненужную бумажку. И тоже – на пол.

Все выжидающе смотрели на Ефима. Он нахмурился. Похоже, мама права насчет дурной компании. Но где наша не пропадала! (Эта сентенция постоянно возникала в его голове перед совершением поступков, которые можно было бы и не совершать.) И он одновременно со страхом и с удовольствием, сам шалея от собственной смелости, крепко заехал веником по щекастой физиономии Чеботаря!

Под громкий хохот ребят Чеботарь бросился в атаку. И, чего скрывать, через три минуты Ефим был повергнут гораздо более сильным противником. Чеботарь, схватив Ефима за волосы, тыкал его лицом в уже использовавшийся на арене веник. Из глаз мальчишки текли слезы. Но – молча.

– Хорош, – спокойно сказал Флеров.

Чеботарь с сожалением оторвался от Ефима.

– Собираемся, пошли домой, – скомандовал Флеров.

Ефим понял: принят.

* * *

Мама, конечно, попричитала по поводу компании, рваной рубашки и фингала. Папа поинтересовался, не пришлось ли Ефиму убежать. Услышав, что нет, он успокоенно вернулся к газете. День рождения не отметили как наказание за самоволие. Но настроение у мужской половины семьи было хорошим.

Дальше было еще лучше. Ефим быстро стал непоследним в кружке. А это было непросто.

Там были и умелые мастера (тринадцатилетний Шмагин под руководством Володи изваял метровую точную копию французского истребителя «мираж»). Даже деревянный, он вызывал восхищение стремительностью форм).

Там были и дерзкие нарушители спокойствия. Тот же Чеботарь притащил со стрельбища замечательную игрушку – настоящую мину от 82-миллиметрового миномета. Зеленую и грязную. Предохранитель с вертушечками-крылышками висел на честном слове, скрывая под собой жало ударника.

Флерова не было. Чеботарь наслаждался эффектом, держа двумя руками мину за хвост и раскачивая ее. Ефим закрыл глаза, ошибочно полагая, что с закрытыми глазами не так страшно. Напрасно. Страх не прошел, зато самое интересное оказалось пропущенным.

А именно: в комнату вошел Володя. Увидел мину и, медленно-медленно приближаясь, нежно приговаривал:

– Сереженька, не волнуйся, дай мне ее, пожалуйста, тихонечко...

Серега как замороженный передал мину Володе. Тот одной рукой крепко взял ее за хвост, а второй – отвесил изрядную затрепину Чеботарю.

У Володи везде имелись друзья: через двадцать минут приехали военные и увезли мину. История была замята.

* * *

Но юный Береславский не затерялся даже в таком нестандартном обществе. Его свежие идеи нередко принимались к действию. Это он первым в их городе применил в личных целях массивную ракетную стрельбу.

Дело в том, что ребятам не дали полетать. Кордовые авиамodelи⁵ полагалось запускать на кордодроме: специально приспособленном асфальтовом пятчке, огражденном по окружности высоченной проволочной сеткой. Но не возбранялось и на втором, не основном, футбольном поле местного стадиона. Такие полеты и были назначены. В том числе – первый запуск первого Ефимова самолета.

И на тебе! Секция футболистов самовольно захватила поле! Нечего и думать было отбивать его силой. Там такие здоровые лбы!

Однако Береславский и не думал силой. Под его идейным руководством к длинным (в метр!) палочкам-стрингерам из специальных, так называемых досаафовских, авиапосылок умелые детские руки прикрепили двадцатиньютоновые пороховые «движки»-патроны от моделей ракет. Затем в ста метрах от занятого противником футбольного поля была установлена коробка из-под холодильника с прорезанным боком. В нее под разными углами наклона зарядили палочки с привязанными патронами. Осталось лишь снабдить их стопинами – аналогами бикфордового шнура, выполненными из хлопковых шнурков, пропитанных горючей смесью, – и поджечь.

Самодельный «град» не подвел. В наступающих сумерках огневой налет (абсолютно безобидный по сути – до футбольного поля долетали только обгорелые «спички») был весьма эффектен. Огненные хвосты потрясли крепких, но морально не подготовленных футболистов. Они просто разбежались. Авиамodelисты были отомщены.

* * *

Одна из громких Ефимовых акций – запуск летающего батона. Купленный в булочной, он стал причиной потери Шмагиным зуба – такой оказался черствый. Возмущенный Шмагин, человек традиционного менталитета, предложил написать жалобу. Но прошло предложение Береславского. Золотые руки Шмагина (у Ефима здесь был прокол: он мало чему научился в рукоделье, разве что приобрел пожизненную любовь к хорошим инструментам) плюс надежный моторчик МК-12В позволили выставить летающий батон на городские соревнования, где тот был отмечен призом за оригинальность. А присутствующий на празд-

---

⁵ Модели самолетов, управляемые в полете двумя длинными проволочками-кордами.

нике секретарь горкома партии, узнав о предыстории феномена, говорят, прилюдно обругал директора торгового треста. Так что шмагинский зуб также не остался неотмщенным.

Максим Флеров в подобных акциях, как правило, не участвовал, но одобрял. Вообще они с Ефимом чувствовали взаимную симпатию друг к другу. Хотя что-то мешало Береславскому искать с ним дружбы.

Была, например, такая ситуация. В кружок ввалилась драка. Один – приятель кружковского деятеля. Собственно, поэтому он и искал спасения в авиамodelьном. Двое других соответственно его лупили.

Флеров сидел у входа, паял бензобак к своей модели. Делал он это мастерски.

Когда клубок ввалился в дверь, Макс вытер жало паяльника – большого, стопятидесятиваттного – и повернулся к дерущимся. Прямо перед ним маячила задница одного из преследователей. Вот к ней-то и приложил Флеров свой здоровенный паяльник! Даже не приложил, а ткнул им несчастного. Через мгновение раздался пронзительный вопль, и пацан, не переставая орать, покинул помещение. Максим чуть передвинулся и повторил экзекуцию со вторым. Все это время с его губ не сходила спокойная улыбка.

Остальные ребята откровенно хохотали. Это и в самом деле было смешно. Кроме того, паяльник Флерова наказал злодеев, вдвоем избивавших одного.

Не смеялся, наверное, один Ефим. Он хорошо представлял себе ожог под синтетическими спортивными штанами пэтэушника, и смешным ему это не казалось.

Как ни странно, Флеров заметил реакцию Ефима. Еще более странно, что это его задело.

– А если тебя будут убивать, ты тоже будешь их жалеть? – спросил он.

– Тебя же не убивали.

– Но они первые начали, – уже злился Максим.

Береславский отмалчивался. Флеров действительно был справедливым парнем. Не было случая, когда он первым кого-то задевал. Но, на взгляд Ефима, его ответ далеко не всегда соответствовал заданному вопросу.

И все же именно Флеров положил руку на плечо Ефиму, когда его выстрадавший самолет на первом же витке превратился в груды обломков. Береславский изо всех сил старался не зареветь. Но Флеров подошел и поздравил. С первым полетом. Ведь полет-то был! И подарил солдатский ремень. Весьма ценный для любого пацана подарок.

Потом Володя объяснил причину неуправляемости модели.

– Значит, ты все заранее знал? – расстроился Ефим.

Володя кивнул.

– Почему же не сказал?

– Ты не спрашивал.

Позже Береславский оценил преподанный урок. Он, безусловно, стоил дороже разбитой авиамodelи.

* * *

Вообще кружок сильно сказался на Ефимовом развитии, несмотря на то что во взрослой жизни он отношения к авиации не имел. И хоть после десятилетки он почти не общался с кружковскими, воспоминания остались теплыми.

С Флеровым же контакты были. Пересекались то в секции карате (Береславский – любитель, больше сражался с растущим собственным весом, чем со спарринг-партнерами; Максим – почти профессионал, уже имевший собственных учеников), то на стоянке, где ставили на ночь свои «Запорожцы». С удовольствием перебрасывались фразами: взаимная симпатия осталась.

И лишь пару лет назад Ефим узнал о новой ипостаси Флерова, или Флера, как величали его криминалитет и правоохранительные органы. Он стал известным авторитетом, своего рода объединителем славянского криминального сообщества против засилья кавказских преступников.

Короче, парень сделал недюжинную карьеру. Это известие расстроило Ефима. Он всегда резко отрицательно относился к преступному миру, не веря ни в какие романтические представления о нем. Бандит есть бандит, и этим все сказано.

Но Флер – особый случай. Ефим помнил его руку на своем плече. И еще одна неприятная мысль не уходила: если в стране, хоть и временно (Береславский не сомневался, что временно), перестали работать законы, если их почти полностью подменили «понятия», то пусть уж в неидеальном мире за соблюдением «понятий» присматривает действительно справедливый (или хотя бы старающийся быть таковым) Флер, чем кто-нибудь другой.

Для себя Ефим никогда ни о чем бы его не попросил, равно как и генерала Юрку. Но Саша – случай особый. Нельзя быть щепетильным, рискуя жизнью другого человека.

Вот почему сейчас Ефим несся по ночному шоссе, спеша на встречу с Флером. Договорился о встрече он через секретаря (бандиты теперь обязательно имеют секретарей). А номер телефона узнал от одноклассника, который тоже кашеварил на этой кухне. Флер, поняв, кто звонит, моментально взял трубку и после обмена приветствиями назначил место и время встречи.

Место оказалось приятным. Старый подмосковный ресторан, около которого много лет назад молодой репортер Береславский с ребятами из угрозыска дежурили, пытаясь отследить валютных проституток. Кстати, статью тогда опубликовать не дали: тема считалась закрытой.

Теперь валютных проституток в связи с конвертируемостью рубля не стало. Наверное, это должно вызывать гордость...

* * *

Флер и Ефим сидели за столиком на двоих в дальнем углу зала.

– Хорошо выглядишь! – одобрил Флер.

– Ты вроде тоже не жалуешься, – усмехнулся Береславский. Тренер по карате явно продолжал поддерживать боевую форму.

– Не боишься со мной общаться? Всех, кто ко мне приезжает, пишут на видеокамеру.

– Значит, войду в историю.

– Ты никогда особо не боялся. Только в тебе струны нет.

– Какой еще струны? – не понял Ефим.

– Мало иметь храбрость и кураж. Нужна еще струна. Чтобы в других резонанс вызывать. Если ты не влияешь на других, то зачем тебе твои достоинства?

– Макс, мои достоинства нужны мне. И моим детям. Я не хочу никого завоевывать.

– Я тоже не хочу. Ты же помнишь, я никогда не лез первым. Ну ладно. А то я вроде как перед тобой оправдываюсь. Чего ты хотел?

– Мой друг попал в СИЗО. В «Матросскую тишину». Он защищал свой дом и убил четверых.

– И чего ты хочешь?

– Он служил срочную в конвойных войсках.

– Сейчас с этим помягче. Кто из нас не был в комсомоле, а то и в партии...

– Но в конвойных были не все. Хотя он себе службу не выбирал.

– Понятно. Ладно, есть у меня некоторые возможности. Как зовут твоего друга?

– Орлов Александр Петрович.

– Не тронут твоего Александра Петровича, – подытожил Флер и сменил тему разговора. – А ты тоже бизнесом занимаешься?

– Что значит – тоже? – усмехнулся Ефим.

– Ты говнюк! – вскочил Макс. – Ты же презираешь меня!

В дальнем конце зала вскочила на ноги охрана. Флер взмахом руки усадил ее обратно.

– Что, не так? – не унимался Флер. Его лицо исказила злобная гримаса.

– Такой ты мне не нравишься, – согласно кивнул Береславский.

– Ты говнюк и засранец, – с горечью сказал Флер. – Ты приехал ко мне за помощью и презираешь меня.

– За помощью своему другу, – уточнил Ефим. – Свои дела я решаю сам.

– Во-первых, не всегда сам. Я тут случайно узнал про твои игры с Ахметом. И немножко изменил ход событий. А во-вторых, какая разница: для себя или для друга? Можешь сам – сделай сам! Пойди в «Матросскую тишину» и попроси граждан не опускать своего товарища за его грехи. Настоящие или мнимые, какая разница, если тот, кто решает, обладает силой?

* * *

Замечание про Ахмета было для Ефима неожиданным. Это один из немногих случаев, когда Береславский повел себя как абсолютный кретин. Года три назад – он еще ездил на «жигуле» – Ефим парковался около крупной московской гостиницы. Приехал по делам. Долго не мог найти места, наконец встал на только что освободившееся.

Не успел выйти из машины, как подъехала белая «Волга». Из нее шустро вышли двое: среднего роста славянин и человек-кавказец. Второй, маленький хмырь не выше метра шестидесяти, назвался Ахметом и велел Ефиму освободить место. На его справедливое возмущение он ответил, что Ефим найдет себе другое место, а его, Ахмета, машине надо много места, потому что машина большая.

Береславский не придумал ничего умнее, как посоветовать купить Ахмету ишака, потому что ишак занимает много меньше места, чем «Волга». Славянин улыбнулся, а Ефим сразу понял, что ответ был опрометчивым. Во-первых, потому что он поддался антикавказским настроениям. То есть сделал то, что презирал в других. Во-вторых, потому что Ахмету явно хотелось уничтожить Ефима немедленно, не откладывая на завтра. С трудом сдерживался.

Береславский, найдя приключение, срочно продумывал, как из него выходить.

Однако, несмотря на тревожные ощущения, дело, не дав бурных всходов, так и заглохло. Теперь понятно – почему.

* * *

В общем, как ни крути, Флер прав во всем. Ефим так и сказал:

– Ладно, ты прав. Нет разницы, за кого просишь. И ты меня серьезно выручил с Ахметом.

– Но...

– Что – но?

– После такого ответа, судя по твоей роже, должно последовать «но»...

Теперь уже разозлился Ефим:

– А ты кем себя считаешь? Робин Гудом? И с Ахметом – тоже как Монте-Кристо. Предупредил бы меня – и все. Сам бы разрулил. Я что – с другой планеты, что ли? Да, я пришел

за помощью. Но я тебя что, не выручил бы, если б мог? И еще: ты хочешь, чтоб твой сын жил так же, как ты?

Флер вздохнул, налил по полбокала сухого и положил руку на Ефимово плечо. Как когда-то. Во вторую взял бокал.

– Ты чертовски умный, Ефим. Я тебе иногда завидую. И смелый. Моя смелость дешевле. У меня оружие, охрана. Да я и без оружия кирпичи колю. Ты же толстый, очкастый и неуклюжий. Значит, твоя смелость дороже.

– Макс, ты за что предлагаешь пить? За мою смелость, за твою охрану? Я уже запутался что-то.

– Ты говнюк, Ефим. Ты даже дослушать не можешь старшего. Я предлагаю выпить за то, чтобы мои дети жили иначе.

– Принимаю, – согласился Ефим и выпил вино.

Глава 11

Страшный шел на меня со своей скотской улыбкой и здоровущим ножом. Я стрелял из «беретты», видел, как пули пробивали его рубашку, толкая назад. А ему хоть бы хны!

Я проснулся в тот момент, когда ужас достиг апогея.

Вот уж действительно, старик Эйнштейн прав! Проснулся в тюрьме. В вонючей камере. На жесткой шконке. А по лицу – я чувствовал это – растеклась идиотская счастливая улыбка. Слава Богу, сокамерники не видели. А то бы подумали – спятил сиделец.

Но старик Эйнштейн был прав по-крупному. Справив свои утренние дела на камерных удобствах и ощутив не головным, а, наверное, костным мозгом толщину стен, я потерял большую часть первоначального оптимизма.

Ну да ладно. Бог не выдаст, свинья не съест.

Соседи мои оказались людьми спокойными. Никто и не думал отнимать у меня пайку или делать из меня женщину. Владимир Павлович – средней руки чиновник. Наверное, взяточник. На воле такие вызывают у меня отвращение. Здесь же он показался мне вполне милым человеком.

Инженер Николай убил свою жену. И, похоже, не раскаивался. Опять-таки я ему не судья. Я свою бы точно не убил. После того как столько за ней пробежал.

Даже случайное воспоминание о Ленке вызвало теплую волну в душе. И – конкретное желание. От второго пора отвыкать. Кто знает, когда мы теперь свидимся?

Третий сосед – Витя. Молодой парень. Ему инкриминируют квартирную кражу. И, как он говорит, пытаются навесить на него все нераскрытые преступления.

Но в основном он не говорит, а молча лежит, отвернувшись лицом к стене. (Саша сильно бы удивился, узнав, что именно Витя по приказу «кума»-оперативника внимательно вслушивается в каждое произнесенное им слово...)

Первый день моего заключения обещал быть спокойным. У ребят имелись домино и шахматы. Так что, если бы не запах и печальные, а главное – длительные, перспективы, я бы только приветствовал такой перерыв. Чего-то в последнее время уработался.

Честно говоря, Ефим все меньше уделяет внимания работе и все больше – своим увлечениям. Ничего не скажу, серьезные заказы по-прежнему идут через него. И, посидев часок за компьютером, он может на креативе⁶ принести денег больше, чем наша типография за неделю. Но все зависит от его царственного желания. Не захочет – будет заниматься какой-нибудь ерундой. Раскручивать никому не нужного гениального художника, который к тому же забудет заплатить. Или писать стихи, которые нужны в этом мире десятку человек (среди них, к сожалению, моя Ленка). Или, что меня окончательно убило, изучать японский язык. Он убил на это дело месяц! Месяц!!! Чтоб потом так же внезапно бросить это занятие.

А уж вникать в такие мелочи, как бухгалтерия и уменьшение налогового бремени, он не станет никогда. Не царское это дело! Подмахнет документы – и привет. Доверяет, паразит.

В налоговой наш красавец ни разу не появился. Цветы ношу я, конфеты – тоже. Конечно, у нас не та фирма, которой сильно интересуются, но все равно злит.

Кстати, если бы Ефим занимался бизнесом серьезно, мы бы были среди первых. Ведь нас, несмотря на финансовую немощь, все знают. Мы выполняли десятки заказов, которые не смогли сделать другие. Ефиму за час консультации платят столько, сколько второму бухгалтеру за месяц. Он честно отдает заработанное в кассу, которую веду я (не он же!). И продолжает заниматься идиотскими делами.

---

⁶ Креатив (от англ. creative) – здесь: рекламное творчество.

Я пытался с ним серьезно поговорить. Он только отсмеивается. Курево не рекламирует, хотя предложения были. Политику не обслуживает. Говорит, чтоб перед детьми потом не стесняться.

Взяток не дает. «Откатные» схемы у нас не в ходу. По крайней мере по его контрактам. Как в таких условиях конкурировать?

Но самое паскудное: вот подумал о нем, обругал даже, а на душе лучше стало. Теплее.

* * *

Я, похоже, понял. Береславский – опиум для народа. С ним весело и хорошо. Но к нему привыкаешь. А его передозировка ведет к большим проблемам.

Надо это все не забыть и при встрече ему изложить. Не все же Ефиму насмеяться над людьми.

* * *

25 лет назад

Я родился в деревне Каменке, под Астраханью, в устье Волги. Почему Каменка – не знает никто. Кругом вода: бесчисленные протоки-ерики пересекают равнину. По берегам – кусты. Можно заснуть в пяти метрах от протоки и не знать об этом. Многие ерики очень глубокие, несмотря на узость.

Капитанам «Ракет» можно ходить только по обозначенным фарватерам, но которые местные – не сильно слушаются наставлений, и один чуть не сделал меня сумасшедшим.

Мы с Анютой отлично провели время в небольшом стожке, на который набрели уже ночью, и в нем же заснули. Проснулся я рано-рано утром. Анька еще спала.

Я вылез из стожка, сладко потянулся, возвращаясь к жизни, в полном смысле слова прекрасной и удивительной. Я так любил это время! Утренняя дымка рассеивалась, воздух – свежайший! Дышать само по себе становится удовольствием!

И вдруг – прямо по полю, чернея на фоне встающего солнца, на меня двинулась «Ракета»! Я, конечно, не боюсь судов на подводных крыльях – они у нас вместо автобусов. Но чтобы утром, по полю – и на меня!

Я похолодел, не в силах двинуться. В голове – мысли идиотские. Про летучих голландцев. Даже лицо рулевого в рубке вижу. С сигаретой в зубах.

Я чуть не спятил, ей-богу! Но метрах в десяти от меня «Ракета» довольно резко повернула направо, подставив под обзор свой бок. Пассажиров на палубе не было. Капитан, видно, решал личные проблемы, гуляя по ерику лишь чуть шире судна.

Я расхохотался, спустился к воде и умылся. Потом вернулся к Анюте. Она спала на боку, подложив под голову руку. Юбка здорово задралась, обнажив красивые и крепкие Анькины ноги. И не только ноги: я же сам ночью и отшвырнул, что мешало.

Я встал на колени, приблизился к ее лицу и поцеловал в губы. От нее смешно, как от ребенка, пахло молоком. Мне в ней нравилось все! Я обнял ее, теплую, доверчивую, перевернул на спину. Она капризно поворчала, но сама помогла мне, и через минуту мы с ней уже летали в облаках.

* * *

Мы не успели пожениться по чистой случайности. Никто не верит, но мой паспорт жежала корова. Было невтерпеж, и мы с ней устроились ночью в стоге прямо за моим домом.

Все было здорово, но из кармана рубашки выпал паспорт. Утром я побежал искать, однако сено, умятое нашими разгоряченными телами, дед уже скормил корове. Дед у меня полуслепой, что с него взять! Еще меньше претензий к Милке. Короче, я нашел только обрывок красной обложки. И ушел в армию холостым.

После учебки в вагонзаках сопровождал заключенных. Вот почему, едва попав за ворота тюрьмы, узнал запах. Он един для всех тюрем, хоть каменных, хоть на колесах. Приехав из очередного рейса, получил письмо из Каменки. Не от мамы. И не от Аньки. От Анькиной мамы, Юлии Александровны, нашей учительницы. В нем она с нескрываемым удовлетворением сообщала, что Аня вышла замуж за городского парня и вместе с ним учится в педагогическом в Волгограде. Перевелась с зачного на очный.

Я даже похудел с горя. Однако Ромео из меня не получился. Я твердо помнил, что любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Короче, мысль о том, чтоб повеситься, была изгнана уже секунд через тридцать. Правда, потом я долго опасался женщин. И – нет худа без добра – из-за Анькиного финта я получил высшее образование. Раньше у меня были другие планы: на судоводительский, в речной техникум. Чтоб потом – по волжским просторам...

Но домой не хотелось, не желал лицезреть счастливую Анюту. Поэтому воспользовался льготой для поступления в московский вуз.

Вот там я впервые встретил Ефима. Эта встреча, мне порой кажется, определила все остальное.

* * *

Мы только приехали с картошки, на которой Ефима не было. Он, как нам объяснили, где-то в пионерлагере груши околачивал. Стояли втроем: я, еще один Саша и Витя Дударев. Ефим появился внезапно и заполнил собой все. Он что-то рассказывал, с кем-то договаривался, чего-то требовал.

Я не любил таких, сам-то – негромкий. Потом он подошел к нам, поздоровался с ребятами по имени. А моего имени не знал. И не придумал ничего лучше, как хлопнуть меня по животу и сказать:

– Привет, толстый! Тебя как звать?

Я здорово разозлился. Несмотря на мой рост и шарообразность, я серьезный мужчина. Единственное, что смутило, – неподдельное дружелюбие в голосе. Только поэтому он тогда не схлопотал. Я что-то пробурчал в ответ, вот и все общение. Но он особо-то в моем обществе и не нуждался. Летал по этажам, воздействуя на окружающих, как объемный взрыв.

* * *

Я ему понадобился только через четыре часа. Но – сильно.

Он лежал на полу в раздевалке, забившись в дальний угол. Я его случайно заметил, внимания у меня всегда хватало. Сразу понял, что там кто-то есть. Подбежал – Ефим. Он уже приходил в сознание, видно, обморок кончался. Я еще подумал: припадочный. Но потом увидел кровь на свитере и в уголке губ. И испугался всерьез. Хотел звать на помощь, но эта сволочь... показал мне кулак! И еще – неприличный жест.

Я присел около. Пятно было небольшое, но растекалось довольно быстро. Я видел такое, когда у нас в вагоне проткнули зэка.

– Тебе надо в больницу!

– Толстый, тебя Бог прислал!

– Я не толстый!

– Ладно, черт с тобой! Ты – пухлый. Найди машину, мне надо в тридцать шестую на Измайловском парке. Тут рядом.

– Тебе «скорая» нужна!

– Я лучше знаю, что мне нужно. Если меня на «скорой» привезут, человека с работы выгонят.

* * *

Это для него характерно, я потом понял. На него работают все. И, как правило, не за деньги. Особенно девицы. Но, надо отдать ему должное, он никогда никого не подставит. Выпустила его сестра из палаты, отдала одежду, провела по подземному ходу (мне Ефим его потом показал) – теперь он не мог приехать на «скорой», чтоб ее не репрессировали.

Никогда бы не подумал, что кто-то так легко меня использует. Но вместо лекции я побежал ловить машину. Благо это не было сложно: рядом полно министерств, и черные «Волги» в отсутствие начальства всю халтурили по улицам.

Я почти на себе допер Береславского до машины, предварительно перевязав: этому нас обучили добротню, а бинты продавались здесь же, в аптечном киоске.

Ефим явно повеселел, у него вообще от грусти до восторга один шаг.

– Вези меня, извозчик! – хрипло воскликнул он.

– Куда? – подозрительно покосился водитель.

– В юдоль скорби...

– В тридцать шестую, я же сказал, – уточнил я.

Въехав на территорию (у водителя на стекле висел какой-то важный пропуск), мы направились к травме, где, как выяснилось, в настоящее время лежал Ефим. Но тот опять взбодрился и приказал остановиться у челюстно-лицевого отделения. Вышел своими ногами, и мы двинулись по длинному коридору.

У отвилка, плавно, без ступенек ведущего вниз, Береславский остановился и сказал мне:

– Бери!

– Что? – не понял я.

– Тележку. Пойдешь обратно – поставишь на место.

Действительно, здесь стояло тележек десять. Ефим достал из сумки слегка мятый, но все же белый халат. И даже белый колпак на голову.

– А мне? – спросил я.

– Ты грузчик. Не положено, – высокомерно ответил Береславский.

Вообще он меня уже достал! Убил бы! Хорошо хоть толстым не зовет. Забыл, наверное. Вряд ли из деликатности. Самое обидное, что я, как идиот, выполняю все его требования. Но не бросить же его с дырой в легком!

(Причину ранения он так и не назвал. Наплел какую-то чушь про падение на металлический штырь.)

Мы без приключений добрались по длинному подземелью до травмы. Нас никто не заподозрил. По дороге попадались и врачи в халатах, и разномастно одетые люди с тележками. Ефим, как всегда, все просчитал точно.

У отвилка, ведущего вверх, в травму, нас уже ждала сестра.

– Ефимчик, ты опоздал на полчаса!

– У нас вся жизнь впереди, дорогая!

Крашенная кукла с восторгом смотрела на своего героя. Видно, ей не часто встречались болтуны.

Мы поднялись в процедурную и закрылись изнутри.

– Спирту хочешь? – спросила сестра, оценивающе меня осматривая.

– Не откажусь.

Она разлила в три мензурки, и в этот момент Береславский, облачавшийся в пижаму, потерял сознание. А красное пятно на бинтах начало расширяться толчками.

– Зови врачей! – крикнул я.

Но сестра сначала позаботилась о своих интересах, доодев Ефима и спрятав его сумку, а уж потом позвала хирурга.

Я просидел там три часа, пока Береславского не вывезли из перевязочной. Врач объяснил, что ничего особо страшного, но ране нужен покой.

Я сел у его кровати.

– Устал, Толстый? – заботливо спросил Ефим.

– Собака ты очкастая, – ответил я. – Так себя ведут только идиоты.

– Действительно, это была не лучшая идея, – неожиданно легко согласился он. – Зато я нашел своего Санчо Пансу.

– Я тебе не Санчо Панса! Если б ты был здоров, я б тебе так врезал!

– Не горячись, Толстый! Может, и я когда-нибудь вынесу тебя с поля боя...

Как всегда, Береславский попал в точку. Теперь его очередь.

* * *

Давай, Ефим, выноси меня с поля боя.

* * *

«Кормушка» со стуком откинулась. Я подумал, что принесли еду. Но ошибся.

– Орлов, на выход! С вещами.

Это что-то новенькое. «Уж не освобождают ли?» – мелькнула безумная мысль. Оказалось, переводят в другую камеру. После дотошного обыска конвоир повел меня к новому месту жительства.

Оно мне сразу не понравилось. В камере было человек сорок. Дышать нечем. Гомон, трудно сосредоточиться. Правда, пока и сосредоточиваться особо не на чем. На допрос еще ни разу не дернули. А об адвокате Ефим позаботится.

Я стоял у входа, ища глазами свободное место, когда ко мне подошел парень лет тридцати, весь в наколках. Одна была необычной. Что-то пряталось под футболкой – может, осьминог, может, еще какое чудо-юдо – высовывало свои щупальца на могучую шею, подбородок и даже низ щек.

– Пошли к нам, брат, – приветливо показал он на угол камеры. Но свободных мест там не было. Варан, так его кликали, согнал бедолагу мужика и указал на освободившуюся шконку. Я не стал изображать благородство, но все это мне не понравилось. Мне не нравится, когда мне симпатизирует первый встречный уголовник. Я не Софи Лорен. Меня больше бы устроило, если бы мое появление осталось незамеченным.

Я поблагодарил и приземлился. Варан явно был настроен поболтать.

– Как звать тебя?

– Александр Петрович.

– За что повязали?

– Пустяки, – улыбнулся я. – Пятерых замочил.

Вокруг замолчали.

– Ну да? – охнул Варан. – Не болтаешь?

Вот теперь мне не понравилось всерьез! Не удивился Варан, даю руку на отсечение! Перевод в другую камеру стал понятен. Меня решили добить. А зачем? Они же ошиблись квартирой! Ничего не понимаю. А может, у меня уже мания преследования?

– Зачем мне болтать?

– А работал кем?

– Бухгалтером.

– Бухгалтер – и замочил пятерых? – Варан говорил громко, чтобы все слышали. Ошибки быть не могло, он готовит пакость.

– Разные бывают бухгалтеры.

– Наверное, ты в армии в спецназе был?

Зря он так быстро. Предупрежден – значит, вооружен.

– А ты, Варан, похоже, и сейчас на службе.

Это и называется «мертвая тишина». Зал замер. Варан изменился в лице:

– Что ты, падла, сказал?

– А что мне еще сказать? Человек пришел в дом, отдохнуть хочет. А ему допрос с пристрастием. Что можно подумать? Что ты на службе, уж извини.

Я ждал броска и был к нему готов. Главное, что удалось не сделать меня общей мишенью. А в драке один на один достаточно шансов. Если на шум придут надзиратели, еще лучше, выломаюсь из камеры. Еще раз скажу про конвойные войска. Хотя я уже говорил, они не должны были сажать меня с блатными.

Варан встал, я приготовился к его броску. Но Варан сел. Потому что на его плечо легла крепкая рука.

– Бухгалтер прав, – негромко произнес хорошо, не по-тюремному одетый парень. – Больно ты быстро напирал.

Варан явно струхнул. Речь теперь шла о его собственной безопасности.

– Вы что, разве можно такое? Просто мне «маляву» прислали, что мент придет на хату. Маленький, толстый, зовут Сашей. Вот я и прикинул.

Общественное мнение опять переменялось. Ментов по камерам не любят. Не зря они сидят отдельно.

– Если бы я был мент, я бы сидел в ментовской камере, а не в общей.

– Логично, бухгалтер. Подсадным ты быть тоже не можешь. Слишком жирно для ментов дать пятерых завалить, чтобы подсадить слухача. В общем, перевели бухгалтера менты, и предупредить тебя, Варан, могли тоже только менты.

– Да ты что, Антон? – буквально взмолился Варан. – Псих «маляву» прислал, говорит, человек в вэвэ служил, нашего брата охранял.

– Мент и солдат-срочник – разные вещи, – сказал я. – Меня не спрашивали, когда в армию призывали. Тогда за отказ сажали.

– Псих – человек авторитетный, – задумчиво сказал Антон. – Но срочная служба двадцать лет назад – и из-за этого «малявы» писать? А ты общество обманываешь, солдата ментом представляешь. А этому человеку еще лет двадцать париться. Нехорошо все это, Варан.

Я понял, что раунд закончился вничью. Что уже хорошо.

Антон, потеряв ко мне всякий интерес, пошел на свое место. Варан сидел молча. А я задумался.

Схлестнулись непонятные мне силы. И если предположить, что Антон – следствие усилий Ефима (это не напрягало мою логику: у него везде корешки; а чего бы иначе авторитет вступался за незнакомого мужика – из чувства справедливости, что ли?), то почему от меня не отстанут нападавшие? Неужели мстят за убитых?

Тут меня вызвали на допрос.

* * *

Я ожидал вопросов, уже обдумывал ответы. Но майор улыбнулся ээку, посадил его за стол и... выложил хорошей еды. Опять пакость?

Приду, они спросят: «Кто тебя сервелатом пахучим кормил?»

Майор понял проблему.

– Не волнуйтесь, Александр Петрович. Ешьте спокойно. В этом пакете, – он потряс увесистым свертком, – ваша передача. Там все это есть. Просто хочу, чтоб пожевали в человеческих условиях. Силы вам еще понадобятся.

С ума сойти можно! Даже в американских тюрьмах офицеры так не переживают за своих подопечных.

– Да, и еще, – педалируя, произнес он. – По имеющимся данным, вы любите ананасы. Так что в посылке – банка с ананасами.

Ну, этот ребус я быстро разгадал. К Ефиму на день рождения всегда приходит генерал милиции, Юрий. Мужичок моей комплекции, страшно смешливый. Он очень радостно хохотал, когда Береславский, как всегда, наполовину привирая, рассказывал о моей любви к ананасам: как я, съев на собственной свадьбе испорченный ананас (не выкидывать же, в эпоху тотального дефицита), первую брачную ночь провел наполовину в ванной, где новобрачная через трубку промывала мне желудок, наполовину – в сортире.

Значит, Ефим привлек Юрия, а тот не отказал в помощи и даже, хоть и косвенно, сообщил об этом. А моральная поддержка в моем положении дороже самого лучшего ананаса.

На прощание я рассказал майору о «малыше» Психа и попросил передать об этом «всем заинтересованным лицам». Он озаботился, предложил меня еще раз перевести, но я побожился, что в новой камере не окажется своего Антона, и отказался.

Через десять минут после возвращения в камеру меня опять вызвали на допрос. Приветливого майора и в помине не было, а по ряду признаков я понял, что передо мной не милиционер и не следователь прокуратуры. Более всего он интересовался не стрельбой, а моим исчезнувшим соседом. Хотя он был суров и неприветлив, я остался очень доволен беседой. Товарищ в штатском явно не принадлежал к клану любителей доставать документы, отстреливая детей. Пусть он хоть сто раз меня не любит, но объективно – он мой союзник. Или по крайней мере не враг.

Похоже, мы еще поборемся. А главное, я не чувствую себя узником замка Иф. Конечно, ему не приходилось оправдываться перед зэками за невольные ошибки юности, но он был один. И всеми предан.

Я же – не один. И никто меня не предавал. Вот такая большая разница!

* * *

Начальник оперчасти СИЗО матерился всеми известными матерными словами. Как это все понимать? Сначала перевели бывшего «почти мента» в воровскую камеру. Потом приказали во что бы то ни стало уберечь его от всех неприятностей.

Что за дебильное время?

Подполковник вздохнул и сгреб бумаги. Решение принято: зэк будет в безопасности. Как минимум по двум причинам. Первая: если его убьют, то приказ о «сбережении» выполнить будет невозможно. В то время как официального приказа о ликвидации не было и быть не могло. И вторая: подполковник был нормальным человеком. А нормальному человеку приятнее сберечь, чем ликвидировать.

Глава 12

Утром Ефим поехал на работу. Из-за ночных «бегов» он не выспался и в обычный день наверняка пришел бы на пару часов позже.

Но день был необычный.

Поставив «ауди» на законное место, Ефим пошел к административному корпусу, где они уже много лет снимали офис. Он поймал себя на том, что пару раз оглянулся по сторонам. Скрытая пружина, раскрутившая эту историю, беспокоила его всерьез. Он не верил в наезд на фирму – не те деньги. Никакими тайнами они с Сашкой тоже не владели. Непонятно! А разбираться надо срочно, иначе Сашка сгниет в тюрьме. Или чего похуже произойдет. В смысле – побыстрее.

Референт Марина Ивановна встретила его немым вопросом. Ефим всегда поражался ее умению определить присутствие проблемы.

– Зайди ко мне, – сказал он.

– Срочно?

– Не горит, но и не тяни.

– Хорошо.

Через десять минут она сидела напротив. Ровно столько времени, по ее мнению, понадобилось, чтобы хмурый вид шефа и его распоряжение срочно зайти не вызвали тревожных умозаключений персонала.

«Умница», – оценил маневр Ефим. Она и была умницей. И отличницей. Хотя в свое время попортила ему немало крови.

Береславский никогда не считал своей обязанностью посещать лекции, а Марина, бесменная староста их группы и курса одновременно, считала именно так. Как же нудно она пилила прогульщика! Как же тоскливо было ее слушать!

Ефим бы и не слушал, но именно Маринка давала ему перед экзаменами свои подробнейшие конспекты, написанные к тому же самым разборчивым на курсе почерком! Все политэкономии, марксистско-ленинские философии, а главное – страшные по своей толщине первоисточники он постиг посредством Маринкиных, в зеленой клеенчатой обложке, общих тетрадок по 44 коп. Десять таких он однажды подарил ей на день рождения, вызвав полное понимание у собравшихся.

И именно Маринка, долбавшая его на каждом собрании – а уж в ее-то группе они проводились регулярно! – отстояла Ефима, когда у того случились проблемы с КГБ. Нет, он никогда не был диссидентом – слишком отстранен был от происходящих в обществе событий. Просто не смог выкинуть случайно попавшую к нему книжку стихов. «Поэзия в лагерях», нью-йоркское издание 1973 года. Ну не смог – и все!

Сейчас уже непонятно, почему прежняя власть так боролась с поэзией. Да и авторы того сборника теперь не лишены и изгнанники, а добропорядочные граждане со славным прошлым. Некоторые нынче даже проклинаят демократию, оказавшуюся не совсем той, о которой мечталось на кухнях и в лагерях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.